

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

ВЫПУСК

4

Москва 2003

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год
Тираж 500 экз.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Бюро по образованию и культуре
Государственного департамента США

Главный редактор:
Борис Ананьич

Редакционная коллегия:
Юрий Батурин
Эмиль Паин
Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали:
Павел Королев, Галина Левина

Верстка:
Любовь Алексенко

На обложке: фрагмент скульптурной композиции Михаила Шемякина «Дети – жертвы пороков взрослых» (фото Мурада Патеева)

Адрес редакции:
Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана
с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (095) 232-34-96

Электронный адрес:
kennan@kennan.ru

Мнения, высказанные в опубликованных материалах,
могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов
ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

© РОО «Содействие сотрудничеству Института
им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных
и гуманитарных наук», 2003

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
Хроника	
Календарь событий весны – лета 2003 года	6
Проблема взаимоотношений России и Европейского союза на конференции в Калининграде	7
Совет Товарищества	16
Вести с Woodrow Wilson Plaza	
<i>Александр Кубышкин, Александр Федоров</i> Институт Кеннана – мост между Россией и Америкой	17
Тема номера: История в российском обществе начала XXI века: дискуссии, исследования и учебники	
<i>Александр Ходнев</i> Культурный контекст истории и учебники	21
<i>Никита Загладин, Юрий Петров</i> Новый учебник по российской истории XX века	26
<i>Виктор Шнирельман</i> Между евразийством и этноцентризмом: о новом историческом образовании в России	32
<i>Иван Курилла</i> Наука, «национальная мифология» и конструирование идентичности: размышления над школьным учебником истории	43
<i>Александр Полунов</i> «Национальный мир» или «тюрьма народов»? Современные учебники о межнациональных отношениях в Российской империи на рубеже XIX–XX веков	49
<i>Борис Ланин</i> Искусство и культура в современных курсах истории	55
<i>Андрей Суслов</i> Трактовка политических репрессий в вузовских учебниках по советской истории	59

Лица

«Для построения в России правового государства нужно
продолжать реформировать судебную власть»

Интервью Ревекки Вульфович с адвокатом Иваном Павловым

63

Проекты и программы

Академическая программа Фулбрайт-Кеннан

70

Стипендия имени Галины Старовойтовой

71

Книги

И.В. Гайдук

В борьбе с Вьетнамом: советская политика
по отношению к конфликту в Индокитае, 1954–1963 годы

72

Юджин Трани, Дональд Дэвис

Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-
американских отношениях

77

Приглашаем авторов к сотрудничеству

85

К читателю

Основная тема этого номера – «История в российском обществе начала XXI века: дискуссии, исследования и учебники».

Едва ли нужно доказывать значение гуманитарного знания в воспитании личности, особенно в современных условиях, когда человек способен управлять процессами, обладающими огромной силой – не только созидательной, но и разрушительной. В школе, в первую очередь на уроках литературы и истории, ученик знакомится с общечеловеческими ценностями, формируются основы его мировоззрения. Эти первые шаги на пути познания в дальнейшем во многом определяют его поведение и роль в общественной жизни.

Каким должен быть учебник по истории? Как пробудить у молодого человека интерес к прошлому своего Отечества, научить его понимать и оценивать людей и события прошлого, помочь ему осознать себя гражданином? Эти и множество других вопросов занимали и продолжают занимать историков, особенно тех из них, кто отважился взяться за нелегкий труд написания учебника. Институт Кеннана предпринял попытку собрать и предложить вниманию читателя различные мнения о достоинствах и недостатках существующей системы преподавания истории и современных учебников. В «Вестнике» пуб-

ликуются материалы семинара по этой теме, организованного Институтом Кеннана в Ярославском государственном педагогическом университете, а также отзывы тех, кто откликнулся на наше приглашение принять участие в дискуссии. Мы надеемся, что несмотря на разноречивый, а порою и спорный характер реплик и суждений, представленных на страницах журнала, они заслуживают внимания и будут способствовать усовершенствованию учебных пособий и системы преподавания.

Другие постоянные разделы «Вестника» содержат обзор конференции «Россия и Европейский союз», состоявшейся в июле этого года в г. Калининграде; впечатления ученых о пребывании в Институте Кеннана; интервью с одним из победителей конкурса по Программе имени Галины Старовойтовой адвокатом Иваном Павловым; а также рецензию на новую книгу кеннановского *Alumni* Ильи Гайдука, изданную в Соединенных Штатах. И, наконец, со своей концепцией истоков «холодной войны» читателей «Вестника» знакомят американские историки Д. Дэвис и Ю. Трани. В 2002 году их книга «Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях» вышла в свет и в США, и в России.

Редколлегия

Календарь событий весны – лета 2003 года

Семинар

26 марта 2003 года, г. Ярославль

Ярославский государственный педагогический университет

**История в российском обществе начала XXI века:
дискуссии, исследования и учебники**

«Культурный контекст и учебники по истории»

Александр Ходнев, д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета

«Проблемы истории предреволюционной России (1900–1917)
в школьном учебнике по истории Отечества в XX веке»

Юрий Петров, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Статьи А. Ходнева и Ю. Петрова, Н. Загладина см. в разделе «Тема номера»

Концерт

22 апреля 2003 года, г. Москва

Московский музыкальный театр «Геликон–Опера»

**Концерт, посвященный 10-летию московского офиса Института
Кеннана и Товарищества выпускников**

Презентация

29 мая 2003 года, г. Москва

Американский центр

Презентация книги

**«Политические и экономические преобразования в России
и Украине»**

Конференция

4–5 июля 2003 года, г. Калининград

Россия и Европейский союз

Обзор конференции см. ниже

Проблема взаимоотношений России и Европейского союза на конференции в Калининграде

«Тема России и Европы поистине неисчерпаема. Она имеет как историческое, так и современное измерение, экономические, культурные и политические аспекты, огромное научное значение. С момента становления русских как нации связь с Европой во многом определяла их самосознание. А в последние 50 с лишним лет стало невозможно говорить о Европе и России, не принимая в расчет Америку. Есть основания полагать, что стратегическое объединение России и Европы с Америкой сегодня более реально, чем когда-либо», – сказал директор Института Кеннана Блэр Рубл на открытии конференции «Россия и Европейский союз», прошедшей 3–5 июля 2003 года в стенах Калининградского государственного университета. Среди ее участников были выпускники различных обменных программ, финансируемых правительством США, из многих городов России: Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Пскова, Перми, Санкт-Петербурга, Ярославля, а также представители администрации, научных и политических кругов г. Калининграда и Калининградской области.

Институт Кеннана благодарит Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США и Посольство США в Российской Федерации за финансовую поддержку этого мероприятия. Неоценимую помощь в организации и проведении конференции оказали и наши гостеприимные хозяева из Калининградского государственного университета, в особенности его ректор Андрей Клемешев и директор Балтийского МИОНа Владимир Брюшинкин.

Предлагаем читателю ознакомиться с той оценкой, которую дали работе заседаний конференции их ведущие.

Ольга Малинова, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, отдел политической науки; и.о. вице-президента Российской ассоциации политической науки:

Секция «**Культурные связи, интеграция науки и образования**» оказалась, по-видимому, самой большой. Было сделано 15 докладов, задано множество вопросов и высказано немало интересных соображений. Пересказывать содержание работы секции было бы делом неблагодарным, да и ненуж-

ным, поскольку тексты докладов будут опубликованы. В лучших традициях кеннановской междисциплинарности были заслушаны сообщения по очень широкому спектру проблем: от российско-европейского сотрудничества в образовании, науке и социальной сфере до восприятия образов России и Европы обществом и интеллектуальными элитами, от сотрудничества с Европейским судом в области защиты прав человека до изменений европейской культуры в эпоху Интернета, от международных отношений до диалога между

В. Брюшинкин, Б. Рубл и О. Малинова на заключительном заседании

христианскими конфессиями и т.д. Представляется, однако, что это был тот самый случай, когда достоинство рискует превратиться в свою противоположность: разброс тем оказался слишком широким. Возможно, имело смысл на завершающем этапе подготовки конференции с учетом принятых заявок еще раз вернуться к уточнению названий запланированных секций, или, во всяком случае, выделить подзаголовки отдельных панелей, сгруппировав их вокруг разумного количества взаимосвязанных проблем. Тем не менее, поскольку большинство докладов были сделаны на высоком профессиональном уровне и представляли не только узкоспециальный интерес, работа секции заслуживает высокой оценки.

Попробую назвать несколько наиболее значимых проблем, выявившихся в ходе обсуждения. На мой взгляд, можно выделить два блока вопросов, вокруг которых развивалась общая дискуссия.

Первый блок связан с интеграцией и сотрудничеством России и ЕС в том, что касается науки, образования, правовой и социальной сферы. Вопросы,

относящиеся к этому блоку, так или иначе рассматривались в докладах *Евгения Водичева, Владимира Якимца, Лидии Николенко, Ирины Дежиной, Татьяны Трегубовой, Андрея Сулова, Андрея Макарычева* и др. Из того, что мы услышали, очевидно, что можно говорить об определенных шагах в направлении сотрудничества. Другое дело – сколь велики его масштабы. Однако, как справедливо сформулировал Е. Водичев, само наличие такого сотрудничества – знак того, что Европа рассматривает Россию как часть себя, как партнера. В рамках взаимодействия с европейскими структурами накапливается некий опыт. Крайне важный вопрос, который постоянно всплывал в наших обсуждениях: а как этот опыт развивается и адаптируется? Есть научные, образовательные, тренинговые и т.п. программы. Дают ли они какой-то эффект? По-видимому, сегодня его уже можно наблюдать, о чем говорил ряд докладчиков. Однако в некотором смысле этот эффект можно видеть и в нашей аудитории: благодаря программам сотрудничества формируется тонкий, но постоянно растущий пласт людей, которые умеют

написать заявку, спланировав свое будущее исследование, провести его, соответствующим образом оформить и презентовать его результаты. Образуется круг ученых, которые могут работать по европейским стандартам и учить этому других, – и это очень неплохой результат. Хотя этим и не исчерпывается круг проблем. Ибо весьма серьезным остается вопрос о том, в какой мере опыт, накопленный за время реализации программ по интеграции и сотрудничеству отдельными особо «продвинутыми» индивидами, может быть усвоен, адаптирован и применен в системе в целом? В частности, в какой мере структура российских вузов и научных учреждений допускает такую интеграцию? Есть ли экономические стимулы для подобных преобразований? Эти вопросы вызвали у участников обсуждения гораздо больше скептицизма. Некоторый осторожный оптимизм был связан с возможностями развития частных инсти-

тутов в российском образовании, которые могут оказаться более заинтересованными в применении зарубежного опыта.

Второй блок вопросов можно условно обозначить как «Россия и Европа: проблемы идентичности». Он в каком-то смысле продолжает тему, начатую на прошлогодней конференции в Великом Новгороде. И, видимо, совсем не случайно к теме европейской идентичности России обращались многие участники калининградской конференции: она была затронута в выступлении *Блэра Рубла*, ей были так или иначе посвящены доклады *Эмиля Паина*, *Натальи Ивановой*, *Татьяны Самсоновой*, *Ольги Малиновой*, *Дениса Драгунского*, *Анатолия Красикова*, *Ивана Куриллы* и др. Хотя вопрос о европейской идентичности России вызывает в обществе бурные дискуссии, особенно в контексте отношений с Европейским союзом и странами Запада в целом, наша аудитория достаточно единодушна

Участники конференции у памятника Иммануилу Канту

в признании того факта, что Россия – часть Европы, обладающая, безусловно, определенными национальными, культурными и прочими особенностями, которые нужно учитывать. Тезис о необходимости интеграции в Европу в этой аудитории не вызывает сомнения (хотя это не значит, что он не вызывает сомнения в других аудиториях). Однако те из выступавших, кто пытался в ходе конференции этот тезис доказывать, ломались в открытую дверь. Вопрос, который стоило бы обсуждать, – это не то, «надо» или «не надо», а «как». Представляется, что для того, чтобы ответить на него, стоит зафиксировать тот опыт сотрудничества, который уже имеется, и обозначить выявившиеся в этой связи проблемы. Конференция, посвященная отношениям России и Европейского союза, не случайно прошла в Калининграде – регионе, больше всего продвинувшемся в направлении сотрудничества. Многие участники говорили о калининградском регионе как о «форпосте». Действительно, калининградцам многое уже удалось. Однако существенной проблемой является не только дальнейшее развитие этого опыта, но и его трансляция в другие регионы. И, видимо, кеннановское сообщество также могло бы внести свою лепту в эти процессы, ибо это сообщество не только профессионалов, но и людей, имеющих гражданскую позицию.

Ольга Буторина, доктор экономических наук, заведующая сектором Центра европейской интеграции Института Европы РАН:

В секции **«Экономические отношения России и ЕС»** было представлено девять докладов, охватывающих широкий круг тем самого разного свойства – от прикладных и почти технических до социально-политологических. Такая мозаика создавала определенные трудности, поскольку не все участники имели одинаково хорошую подготовку по

той или иной проблематике, а общая логика секции не всегда выглядела ясной и закономерной. Думается, что названная особенность является естественной и неотъемлемой характеристикой Института Кеннана, как и других научных форумов, объединяющих представителей различных областей знаний. Нивелировать ее нет нужды, так как в ней же содержится главное преимущество подобных сообществ – быть связующими звеньями между исследователями, работающими в различных сферах, способствовать их эффективному общению, обмену идеями и новыми знаниями, а также укреплению общенациональной научно-исследовательской среды и ее интеграции в международное научное сообщество. На следующих конференциях, чтобы содержание секций имело более консолидированный вид, представляется целесообразным не столько ограничить разброс тем, сколько выявить в них общие вопросы и сделать их своеобразными стержнями, скрепляющими общую конструкцию.

Рассмотрев сделанные в рамках секции доклады под этим углом зрения, можно выявить одну центральную проблему, которая тем или иным образом затрагивалась практически во всех выступлениях. Речь идет о том, возможно ли сотрудничество России и ЕС на условиях равного или приближенного к равенству партнерства, или же оно всегда (по крайней мере, в обозримой перспективе) будет весьма асимметричным. Во втором случае России следует быть готовой к тому, что она будет испытывать все большее давление на свою политику, в том числе экономическую, со стороны Евросоюза. После того, как в мае 2004 года членами ЕС станут еще 10 государств, доля этой группировки во внешней торговле России возрастет до 50%, тогда как доля России во внешнеторговом обороте ЕС не превысит 5%. То есть Россия будет зависеть от Евросоюза намного больше, чем он от нее. Даже в сфере

энергетики, включая поставки газа, российская сторона не может абстрагироваться от политики ЕС, поскольку другого стратегического покупателя на этом направлении (с которым нас связывает сеть трубопроводов) не существует.

Если признать наиболее целесообразным и желательным первый вариант, то России предстоит, во-первых, значительно укрепить ее современный экономический потенциал (что, совершенно ясно, не может произойти за считанные годы), во-вторых, последовательно развивать механизмы и институты рыночного хозяйства и, в-третьих, изменить модель поведения в диалоге с ЕС.

Очень важная, на наш взгляд, мысль прозвучала в ярком, насыщенном фактами выступлении *Светланы Дойлидовой* из Калининграда. Описывая далеко не простую экономическую и социальную ситуацию в области, докладчик подчеркивал, что в отношениях с ЕС по данному вопросу Россия не должна занимать позицию просителя-иждивенца. Чтобы сотрудничество с ЕС было эффективным и долгосрочным, ей надлежит выявить конкурентные преимущества области и представить европейской стороне хорошо проработанные бизнес-проекты. О том, что российская сторона, к сожалению, привыкла занимать позицию «младшего брата» говорила также Наталья Власова в докладе о городах-побратимах.

Тема управления хозяйством в условиях рыночной экономики обсуждалась в нескольких докладах. Так, *Aлександр Ходнев* говорил о европейском сотрудничестве в области администрации, *Лариса Логинова* – о связи между уровнем корпоративного управления и интенсивностью российско-европейских экономических связей, *Галина Ульянова* в своем интереснейшем историческом эссе рассказывала о судьбах европейских промышленников в России в конце XIX – начале XX веков. Дискуссия подтвердила известные по-

ложения о том, что России недостает опыта рыночных отношений, а существующая ныне в стране модель рыночной экономики заметно отличается от западноевропейской. Последний тезис можно толковать двояким образом. В первом случае России следует догнать европейцев и сконцентрировать усилия на том, чтобы максимально приблизить национальную систему экономических отношений к западноевропейской (которая, кстати, далеко не однородна). Во втором – предполагается, что создаваемая в России модель рыночного хозяйства не будет аналогом континентальной европейской, как не совпадают с ней американский, японский и даже английский варианты. Тогда необходимо разобраться, что именно будет определять лицо российской экономической модели, в каких сферах и объемах эта специфика желательна и оправданна.

Данный вопрос стал лейтмотивом целой серии выступлений. Например, *Ирина Скворцова*, говоря о ресурсной базе отечественной экономики, утверждала, что именно она в решающей степени определяет размеры производства и темпы его роста. *Тамара Измestьева*, напротив, показала, что развитие нефтяных промыслов и высокие сборы зерна по-разному повлияли на экономическую ситуацию в России и в США и получаемые от них доходы направлялись правительствами на разные цели. *Евгений Красинец* обратил внимание на значительную схожесть проблем ЕС и России в части незаконной иммиграции. Евросоюз в течение нескольких десятилетий стимулировал приток дешевой рабочей силы из Африки и Азии и теперь столкнулся со множеством трудноразрешимых социальных и политических задач. Россия в последние годы испытывает наплыв иммигрантов из бывших республик СССР, из Вьетнама и Китая. Поэтому сторонам полезно наладить обмен информацией, а также усилить координацию действий по борьбе с нелегальными

Кафедральный собор в г. Калининграде

ми гастарбайтерами. Выступление *Игоря Аликперова* очертило широкий спектр проблем, связанных со становлением евро в качестве международной валюты и альтернативы доллару. Вполне возможно, что данный опыт может быть использован Россией для укрепления позиций российского рубля, особенно во внешнеэкономических связях на территории СНГ.

Андрей Макарычев, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Нижегородского лингвистического университета:

Содержательные итоги «круглого стола» **«Калининград: статус-кво и перспективы»** можно представить в виде следующих наиболее важных положений, прозвучавших в ходе дискуссии.

Во-первых, по мнению ряда выступавших, «калининградский конфликт» между Россией и Европейским союзом, наиболее остро протекавший с весны 2002 года по весну 2003 года, объясняется концептуальной разницей

в подходах между двумя вовлеченными в него сторонами. ЕС выступает преимущественно с технических, функциональных позиций, которые можно интерпретировать следующим образом: есть институты, которые в ЕС работают более или менее успешно, и на них надо опираться; если же возникают экономические проблемы – их надо решать в рамках существующих программ.

Подход России – преимущественно политико-идеологический, так как он подразумевает признание особого, исключительного статуса РФ, а значит – возможность исключений из правил (в частности, регулирующих шенгенские нормы). Официальные лица Москвы подспудно исходят из презумпции о том, что Россия – это особое государство, в отношении которого должны приниматься специальные («гибкие», «нестандартные») правила, учитывающие и геополитические, и военно-стратегические факторы.

У обоих подходов есть свои минусы. Слабость позиции РФ – в искусственной геополитизации проблемы, ее секь-

юритизации (*securitization*), нежелании понять, что большинство из того, на чем настаивает ЕС, выгодно нам самим – это и наведение порядка на границе, и прекращение контрабанды, и обеспечение населения надежными документами по международным стандартам. Основная слабость позиции ЕС видится в преувеличенном значении, которое придается визам вообще. Сложно отрицать тот факт, что если кто-то захочет обосноваться в какой-то из стран ЕС, то для этого достаточно купить туристическую путевку и оформить визу через турагентство.

Во-вторых, калининградскую проблему всегда следует анализировать в контексте балтийского регионостроительства. Калининградская область является неотъемлемым элементом многих интеграционных проектов в Балтийской Европе: помимо практики еврорегионов, сюда же следует отнести и транспортные коридоры, и проекты типа «2К» (Калининград – Клайпеда), и экологические программы, и сотрудничество между неправительственными организациями, вузами, академическими институтами.

В-третьих, у калининградской проблемы есть глобальный контекст. Глобализация может помочь решению ряда проблем – допустим, обсуждаемая сейчас идея с идентификационными карточками, которые могут сделать визы ненужными. Включение Калининградской области в зону действия «Северного» и потенциально – «Восточного» измерения ЕС иллюстрирует то обстоятельство, что географические границы государств больше не совпадают с территориальными очертаниями важнейших проблем, связанных с экологией, безопасностью, экономическими и культурными феноменами. Эта тенденция хорошо видна на примере еврорегионов, которым, в частности, было посвящено выступление заместителя главы г. Балтийска *В. Кошелева*: их участниками являются не только субнациональные органы власти и управ-

вления, привязанные к определенной территории, но и различные профессиональные и деловые организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого взаимодействия (*networking*).

Другой аспект глобализации связан с присутствием в Калининградской области ряда глобальных акторов (Transparency International, East – West Institute, Фонд «Евразия», Институт «Открытое общество», Фонд МакАртуров), которые в своей совокупности выполняют важнейшую функцию по передаче знаний и политического опыта (то, что в англоязычной литературе называется *policy transfer*).

Представления о наиболее эффективных механизмах организации глобальных потоков базируются на обсужденной на конференции концептуальной триаде: «проектные сети» – «трансферт знаний» – «обучающийся регион». Под проектными сетями можно понимать особый вид коллаборативной деятельности, основанной на горизонтальном взаимодействии между несколькими партнерскими организациями, принадлежащими к различным уровням социальной организации (от субнационального до трансрегионального). Второй элемент триады описывает способ функционирования проектных сетей, который наиболее адекватно выражается понятием «трансферт знаний». Третий элемент – «обучающийся регион» – представляет собой модель, с помощью которой можно анализировать результаты первых двух элементов в рамках процессов трансрегионализации. Такой (в известном смысле идеальный) тип региона формируется тогда, когда интеллектуальный капитал становится важнейшим фактором, определяющим принципы взаимодействия региона с внешним миром, позиционирование региона в системе мировых координат, чувствительность к новациям, идущим извне, способность региональной административно-управленче-

ской элиты извлекать уроки из позитивного и негативного опыта других регионов, а также занятие регионом собственной ниши в информационном пространстве.

В-четвертых, оптимальным «маршрутом» эволюции Калининградской области был бы уход от периферийности к статусу «стыковочного региона». По мировой практике мы знаем, что окраинность не только не синонимична неполноценности, но и часто является ресурсом, позволяющим региону влиять на ход международных процессов. В последние несколько лет об этом писали Ноэль Паркер, Пертти Йонниemi и Кристофер Браунинг.

Действительно, находясь в течение трех дней в Калининградской области, участники конференции смогли убедиться в том, что у западного эксклава России есть мощный неиспользованный потенциал. Связан он с несколькими факторами. Прежде всего, с более активным формулированием региональных интересов в рамках взаимоотношений с федеральным центром, о чем на «круглом столе» говорили руководитель фракции СПС в Калининградской областной думе *С. Гинзбург* и бывший губернатор области *В. Маточкин*. В частности, как раз в те самые дни, когда проходила конференция, областной администрации удалось избежать «двоевластия» и «внешнего управления» областью из Москвы, добившись назначения руководителем Особой экономической зоны М. Цикеля, бывшего вице-губернатора области.

Второй фактор, усиливающий перспективы области, – возможность адаптации лучшего европейского опыта, связанного как с принятием соответствующих законов и созданием эффективных институтов, так и с внедрением европейской культуры политических отношений внутри региона. *А. Сунгуров* (Центр «Стратегия», г. Санкт-Петербург) в этом контексте упомянул позитивный опыт принятия калининградского закона, регулирую-

щего доступ граждан к информации, а также практику конкурентных выборов уполномоченного по правам человека (кстати, местный «омбудсман» *И. Вершинина* активно участвовала в дискуссиях на конференции).

Третий фактор: калининградский политический дискурс постепенно переходит от обсуждения минусов геополитического положения региона к дискуссиям о тех шансах, которые открываются перед регионом в связи с расширением ЕС и компромиссом, достигнутым между РФ и ЕС по транзитному вопросу. Этому, в частности, было посвящено выступление докторанта ИМЭМО *Е. Винокурова* и советника комитета по экономической политике Областной думы *В. Кузина*.

Кроме этого, участники «круглого стола» сошлись друг с другом во мнении о том, что Калининградская область выполняет важнейшую функцию существенной корректировки многих сторон внешней политики России. Если бы не калининградская ситуация, федеральный центр не подписал бы первый договор о реадмиссии с Литвой, не объявил бы одним из приоритетов своей европейской политики достижение безвизового обмена с ЕС и не признал бы необходимость полноценного партнерства с Польшей и Литвой. Все это доказывает теоретический тезис о способности окраинных территорий решающим образом воздействовать на позиции ведущих мировых акторов.

Однако важно иметь в виду, что, с одной стороны, окраинные территории могут способствовать снижению значимости границ (*de-bordering*) и, соответственно, «постмодернизации» политического пространства. В частности, основы такого подхода содержатся в финской концепции «Северного измерения», которая видит в окраинах «посредников», «контактные пространства». С другой стороны, окраинные территории могут содействовать укреплению границ (*bordering*) и в этом

смысле – поддерживать те принципы национальной исключительности и суверенитета, которые заложены в вестфальской системе. Для Калининградской области оба варианта пока являются открытыми.

Участники обсуждения напомнили, что нынешнее решение по транзиту через Литву – это всего лишь временный компромисс. Не позднее 2005 года ЕС обещал вернуться к рассмотрению этой проблемы. Можно предположить, что если к тому времени будут какие-то сдвиги к лучшему в отношении безвизового обмена с ЕС, то это будет

огромным плюсом. Но для этого, видимо, придется заплатить весьма большую политическую цену – переосмотреть всю концепцию СНГ как приоритетной для России зоны «ближнего зарубежья». Более конкретно, необходимо укрепление южных границ России. Если же перспектив у безвизового обмена не будет, то через несколько лет может вновь обостриться не только калининградский вопрос, но и отношения России с Украиной, которая все активнее настаивает на ассоциированном членстве в ЕС и более жесткой охране границы с РФ.

Совет Товарищества

СОВЕТ ТОВАРИЩЕСТВА ВЫПУСКНИКОВ ИНСТИТУТА КЕННАНА создан в 1996 году с целью определения основных направлений деятельности ТОВАРИЩЕСТВА и координации его работы.

Состоит из пяти членов, избираемых на два года, и собирается дважды в год.

С 1 октября 2001 года членами совета являются:

Батурин Юрий Михайлович

*председатель, д.ю.н., летчик-космонавт
Московская обл., Звездный городок*

Якимец Владимир Николаевич

*заместитель председателя, д.социол.н., ведущий научный сотрудник
Института системного анализа РАН
г. Москва*

Авксентьев Виктор Анатольевич

*д.филос.н., заведующий кафедрой философии
Северо-Кавказского государственного технического университета
г. Ставрополь*

Вульфович Ревекка Михайловна

*к.политич.н., доцент Академии госслужбы
г. Санкт-Петербург*

Логина Лариса Викторовна

*к.э.н., первый зам. председателя Красноярского регионального
отделения Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг России
г. Красноярск*

Институт Кеннана – мост между Россией и Америкой

Институт Кеннана, являющийся составной частью Международного научного центра имени Вудро Вильсона, расположен в нескольких минутах ходьбы от Белого дома – в огромном многоэтажном правительственном здании, оборудованном по самому последнему слову техники. Это идеальное место для научно-исследовательской работы. В Центре имеются несколько конференц- и лекционных залов и хорошая специализированная библиотека со свободным доступом к огромным фондам Библиотеки Конгресса. Интересно, что на сайте библиотеки Центра Вудро Вильсона можно также найти и обширные базы данных с выходом на полные тексты журнальных статей по всем областям знаний. При этом базы данных составлены не только по англоязычным, но и по российским научным журналам. Подробнее с этим можно познакомиться на сайтах Библиотеки Конгресса (<http://catalog.loc.gov>; www.loc.gov). Другие базы данных с доступом к полным текстам статей: www.sil.si.edu и www.jstor.org.

Созданный в 1974 году Институт Кеннана превратился в одно из самых эффективных и престижных научных учреждений в США по проблемам истории, культуры и политики России с признанной международной репутацией. В разные годы грантополучателями Института были известные российские писатели В. Аксенов, А. Вознесенский, В. Войнович, Б. Сарнов, космонавт и политический деятель Ю. Батулин, политологи Г. Старовойтова, С. Микоян, Н. Злобин, А. Янов, кинорежиссеры В. Головской и М. Туровская, те-

Александр Кубышкин,
доктор исторических наук,
профессор кафедры региональных
исследований и международных
отношений Волгоградского
государственного университета,
Kennan Institute Regional Exchange
Scholar (2003)

Александр Федоров,
доктор педагогических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социокультурного развития
личности Таганрогского
государственного педагогического
института,
Kennan Institute Regional Exchange
Scholar (2003)

атровед А. Смелянский, режиссер Д. Худоназаров, драматург М. Шатров и многие другие.

Последние годы во главе Института Кеннана стоит известный политолог и специалист по социокультурным и политическим проблемам городов Блэр Рубл.

Шестимесячные научно-исследовательские гранты Института Кеннана – хорошая возможность написать новую книгу (просторный кабинет с современным компьютером, телефоном, помощник-ассистент из числа студентов/аспирантов из ведущих столичных университетов, доступ к ксерокопировальной технике и т.д.), поработать в самой большой в мире Библиотеке Конгресса, послушать лекции ведущих ученых и политических деятелей планеты, завязать новые научные контакты.

Каждый день в Центре Вудро Вильсона и Институте Кеннана проходят какие-то события – конференции, лекции, семинары, презентации, встречи с политическими и государственными деятелями, учеными и т.п. На всех этих научных мероприятиях присутствуют не только сотрудники и стажеры Центра, но и приглашенные представители деловых и политических кругов Вашингтона и других городов США, журналисты. Конференц-зал, рассчитанный на 150 человек, обычно полон, что свидетельствует о растущем интересе американцев к проблемам России и новых независимых государств. Так, на одной из таких презентаций американцы живо обсуждали тему истории развития науки в России и положения российских ученых сегодня.

В марте 2003 года Институт Кеннана представил аудитории лекцию известного политолога Д. Фурмана «Международный терроризм и политика Москвы», провел в Джорджтаунском университете конференцию «Столичный дизайн: архитектура, искусство и театр в Петербурге и Вашингтоне, 1703–2003».

Большой интерес вызвала презентация новой книги известного специали-

та по политической истории России У. Таубмана «Никита Хрущев: Человек и его эпоха». Бывший посол США на Украине В. Г. Миллер прочел лекцию о возможностях украинских демократических реформ.

Анализ политической и экономической ситуации на Украине был продолжен в апрельских докладах бывшего президента Украины Л. Кравчука и президента Института мира и демократии на Украине, бывшего посла Украины в Великобритании С. Комисаренко. Свою точку зрения о российском телевидении высказала профессор Стэнфордского университета Э. Мицкевич. Ректор Санкт-Петербургского Европейского университета Б. Фирсов поделился результатами исследования российских демографических проблем. Острую проблему войны и терроризма в ракурсе российско-чеченских отношений затронул в своем докладе профессор О. Джерсилд.

Одной из заметных лекций мая стало выступление профессора Киево-Могилянской академии В. Гусева «Проблемы формирования политической культуры на Украине». Не менее оживленную реакцию слушателей вызвал и полемический доклад хорошо известного в России экономиста и ученого профессора Гарвардского университета М. Голдмана «Пиратизация России». Это было по сути дела краткое резюме его новой книги с одноименным названием. Речь в ней идет о коррупции и других бедах российской политики и экономики. О перспективах и текущем контексте российско-американских отношений рассказал в своем докладе директор российско-азиатских программ вашингтонского Центра информационной защиты Н. Злобин. В конце мая аншлаги собрала лекция известного журналиста и политолога Ф. Бурлацкого «Президент Путин: продолжение реформ Ельцина или новый курс?», в которой было высказано предположение, что более решительных реформаторских шагов от нынешнего российского президента сле-

дует ожидать лишь после его переизбрания на второй срок.

Немалое количество докладов было, конечно же, посвящено различным аспектам политических и экономических последствий войны в Ираке, в том числе и политики России по отношению к этой проблеме.

Несмотря на общую политологическую ориентацию своей деятельности, Институт Кеннана не забывает и о культуре. Так, в мае 2003 года состоялась презентация проекта «Русское влияние на американское исполнительское искусство», выставка современных российских художников. В декабре 2003 года в Центре имени Вудро Вильсона ждут директора московского Музея кино Н. Клеймана.

Какой же предстает наша страна в зеркале этих обсуждений? Прежде всего хочется отметить высокий научный уровень экспертизы в представленных докладах и сообщениях. Подавляющее большинство из них демонстрирует подлинное стремление ученых разобраться в сложных и противоречивых явлениях переходного этапа развития российского общества. Предлагаемый тон обсуждения далеко не комплиментарен, содержит изрядный критический заряд, но в основе такого подхода –

стремление понять истинные причины процессов, серьезно тормозящих развитие демократических институтов в политической сфере России и постсоветских государств и формирование социально ориентированной рыночной экономики, обладающей легитимным характером. Надо прямо сказать, что ломка сложившихся стереотипов об абсолютной коррумпированности России, о засилье бюрократии как системной образующей, о криминальном беспределе, охватившем все сферы жизни российского общества, нередко осложняется не только отсутствием необходимой объективной информации, облегченным подходом к пониманию сути происходящего, но и субъективными установками самих исследователей, придерживающихся различных политических и экономических воззрений. Но в этой-то свободной нелицеприятной полемике, многоплановом сопоставлении различных точек зрения и заключается главный смысл позитивной деятельности Института Кеннана – последовательного сторонника развития сотрудничества между широкими кругами научного сообщества, политическими деятелями и представителями деловых и культурных кругов США, России и новых независимых государств.

Культурный контекст истории и учебники

В последние годы в российском сознании утверждается многозначность в определении понятия «культура». В советскую эпоху существовало представление о культуре как совокупности всего созданного усилиями человека в материальной и духовной сфере, как эталоне высших достижений. С 1930-х годов к этому толкованию обязательно добавляли, что «культура – категория историческая, и в классовом обществе – форма классовой борьбы». Наряду с такой интерпретацией всегда сохранялся взгляд на культуру как развитие образования и просвещения. Почти все эти компоненты советского конструкта культуры, естественно, кроме «формы классовой борьбы», сохранились и в постсоветское время. Они нашли отражение, например, в серии учебников по мировой художественной культуре доктора исторических наук К.Н. Гоголева, который построил свои тексты как дискурсы, включающие рассказы о лучших достижениях европейских стран, Индии, Китая и Японии в архитектуре, скульптуре, живописи, литературе, театральном искусстве. Иногда автор добавлял сведения об особенностях цивилизации, религии, философии. В целом в учебниках создавался достаточно статичный образ лучших образцов культуры, которые несли в себе неполную информацию о жизни людей в различные исторические эпохи и, главное, совсем не сообщали о преемственности или прерывности в поведении человека.

В современной социологии, политической науке и историографии домини-

*Александр Ходнев,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей
истории Ярославского
государственного педагогического
университета,
Former Kennan Institute Short Term
Scholar*

рует совсем другая трактовка культуры. Политолог Э.Я. Баталов дает следующее ее определение: «Политическую культуру можно в самой общей форме охарактеризовать как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых репрезентативных (“образцовых”) убеждений, представлений, установок сознания и моделей (“образцов”) поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности»¹.

Эту развернутую интерпретацию Э.Я. Баталов дополнил кратким обобщением: «В самой сжатой и абстрактной форме культуру можно определить как способ общественного самопроизводства человека и человечества»². Если перефразировать это высказывание, культурный контекст истории можно понимать как способ существования и самопроизводства истории.

В последние 15–20 лет историки, заимствуя у других наук методологические подходы, в своих определениях ключевых понятий стараются быть еще более доступными для понимания читателя, чем социологи и политологи. Профессор Принстонского университета Роберт Дарнтон обратил внимание на то, что большинство людей думает о культуре как о чем-то, что следует писать с заглавной буквы. В истории идей передача такой культуры происходит от философа к философу, от художника к художнику. Однако при этом совершенно упускается возможность проследить, каким

образом простые люди воспринимают окружающий их мир. «Действуя на уровне почвы, обычные люди учатся быть «street smart» (ловкими) – и могут стать интеллектуалами в стиле философов»³. Однако вместо теоретических утверждений эти люди мыслят при помощи образов, которые им предоставляет окружающая их культура: устные истории, рассказы, церемонии и т.п. Как видим, определение понятия «культура», данное Р. Дарнтоном, отражает стремление еще лучше исследовать то, что во французской историографии называлось «историей ментальностей», и спуститься в этот мир на большую глубину, чем это делала антропология.

Если попробовать приложить эти определения как матрицу к тому, что окружает историка в России, то получится образ культурного контекста истории. Иными словами, культурный контекст – это когда мы говорим о ремесле историка в обществе, о том, что его окружает и что о нем думают простые люди. На наш взгляд, российский культурный контекст истории имеет принципиальные особенности.

Интерес к ремеслу историка в последние 10–12 лет заметно понизился в российском обществе. Если во Франции каждый уважающий себя политик, депутат, высокий чиновник до сих пор оснащает свою речь довольно сложными примерами и фактами из истории, значит, того требует культура и благосклонно принимает общественное мнение этой нации. В России к подобным реминисценциям обращаются реже, и они в основном связаны с одними и теми же образами прошлого, считающимися положительными (Петр I, П.А. Столыпин и т.п.). Можно сделать вывод об эпизодических познаниях в области истории у российской поли-

¹ Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3. С. 10.

² Там же. С. 22.

³ Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y.: Vintage Books, 1985. P. 3–4.

тической элиты. Правда, в последние два года (2001–2002) государство на уровне исполнительной власти высказало свой интерес к истории. Об этом президент В.В. Путин говорил в августе 2001 года, а вскоре после его выступления премьер-министр М.М. Касьянов подверг уничтожающей критике на заседании правительства РФ учебники по истории России XX века. Сейчас накал страстей в этой дискуссии, судя по всему, несколько ослабел. Тем не менее Министерство образования устами первого заместителя министра А.Ф. Кисилева старается подчеркнуть свои требования к преподаванию истории: «обретение общегосударственных святынь, возвращение российской традиции соединения воспитания и обучения».

Возможно, это связано с тем, что происходило в последние годы с историей в школе. Снижению интереса к истории способствовало и уменьшение доверия общества к историкам после перестройки, во время которой средства массовой информации заняли ведущее место в общественном сознании. Однако прошло уже больше десяти лет, а серьезные исторические книги все еще не находят значительного спроса у российских читателей. В упомянутой выше Франции ситуация совершенно иная. Серии популярных книг по истории достигли фантастических тиражей: «Historia» – 155 тыс. экземпляров, «Historama» – 195 тыс. экземпляров, а общий тираж подобных изданий составил 600 тыс. экземпляров⁴. Большинство этих книг были проданы в привокзальных киосках. Можно вспомнить, конечно, о тиражах серии ЖЗЛ в последние годы СССР. С 1987 по 1991 год резко поднялись тиражи главных исторических журналов, особенно «Вопросов истории» (100 тыс. экземпляров в 1990 году).

Однако это сравнение в целом не подтверждает такого же, как у французов, устойчивого интереса к истории в российском обществе. Несмотря на популярность исторической публицистики эпохи перестройки, книги по истории все же не продавались в привокзальных киосках.

Причины снижения интереса к исторической публицистике, в общем, понятны: последние 12 лет, ознаменовавшиеся бурной инфляцией и дефолтом 1998 года, приучили россиян интересоваться больше своими личными проблемами. Это отразилось на прессе. Российские граждане охотнее раскупают и читают местные периодические издания, нежели центральные. Историю подобные перемены коснулись не очень сильно. Тем не менее за пределами мегаполисов публика проявляет больше интереса к краеведческой литературе, локальной и микроистории. Об этом свидетельствует увеличение количества конференций, появление новых исследований и публикаций, посвященных краеведению, создание региональных издательств, специализирующихся на такого рода литературе. Эти издания довольно хорошо раскупаются читателями. Специалистам следует учитывать эти тенденции изменения культурного контекста истории. Имеет смысл прислушиваться и к мнениям, царящим в студенческой аудитории. В исследовании Л.П. Репиной и Г.И. Зверевой «История как учебная дисциплина», в котором использованы материалы проведенных РОМИР опросов студентов ряда исторических факультетов, утверждается, что студенты считают наименее интересными курсами краеведение (10%), источниковедение (7,8%), историографию России (6,7%), указывая при этом на невысокое качество обучения. Преподаватели дают самую низкую оценку

⁴ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 14–15.

курсу краеведения (3,4%)⁵. Можно предположить, что такое отношение к российскому краеведению в профессиональной среде свидетельствует о том, что не изменилась его методология и мало используются новые подходы, предложенные микроисторией. Тот же опрос показал, что к глобальной, региональной (Европа, Америка, Азия, Африка) и политической истории России студенты проявляют гораздо больше интереса⁶.

Какую роль молодое поколение отводит учебникам при таком довольно высоком интересе к истории? Данные разных источников несколько противоречат друг другу, однако можно составить представление о некоторой общей тенденции. По оценке А.П. Шевырева, относительно положения истории в школе Россия стоит в одном ряду с Польшей и Чехией, в которых главным источником исторической информации является учитель, а не учебник. Россия по этому показателю резко отличается от Англии и Шотландии, в которых главные сведения по истории дают текстовые источники⁷. Проведенные недавно опросы студентов исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского показали, что они больше доверяют не слову преподавателя и учебникам, а историческим источникам. Следовательно, в школьной и университетской среде происходят важные процессы, связанные с перераспределением доверия к исторической информации.

В новых условиях классический учебник с минимальным методическим аппаратом, перегруженный фактическим материалом и нарративами, должен быть забыт. К сожалению, поч-

ти все дискуссии вокруг учебников по истории касаются их содержания, а не целей и принципов исторического образования. Нужно провести более открытое обсуждение с участием всех заинтересованных сторон, так сказать, главных акторов российского культурного контекста истории: академического научного сообщества, государства – в лице не только Министерства образования, но и департаментов образования местных ветвей власти, – а также учащихся и их родителей. Интерес к истории как учебной дисциплине проявили в той или иной мере все группы российского общества. Пока в этом диалоге можно услышать точки зрения академического сообщества и Министерства образования. Их, скорее всего, и учтут при утверждении новых учебников. Известно, что в школу попадут три учебника по истории под грифом «Рекомендовано Министерством образования РФ». При этом первая категория грифа будет называться «Допущено». Это означает, что учебник соответствует образовательным стандартам. Затем он будет проходить в течение трех лет апробацию в школах и после оценки педагогов может претендовать на гриф «Рекомендовано». Возможно, главная перемена в понимании целей исторического образования уже произошла, поскольку министр образования В. Филиппов в последних интервью повторяет: «Наша задача – научить человека учиться»⁸. Человек, «умеющий учиться», должен конструировать свою историю, а не только получать информацию от учителя или заучивать ее из текста учебника.

Следовательно, у историков и администраторов в области образования

⁵ Ретина Л.П., Зверева Л.П. История как учебная дисциплина // Преподавание гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. Аналитический доклад. Под ред. проф., д.ф.н. Л.Г. Ионина. М.: Логос, 2001. С. 196.

⁶ Там же.

⁷ Историческое образование: тенденции и перспективы. Итоги международной конференции // Преподавание истории в школе. 1999. № 2. С. 14.

⁸ Родительское собрание. Приложение к газете «Московские новости». 2003. № 3. С. 8.

есть одна сверхзадача: нужно постараться услышать все точки зрения и достичь хотя бы минимального консенсуса. Процесс обретения согласия по этой проблеме нелегкий: не утверждены школьные стандарты по истории, а вузовские стандарты не критикует только ленивый.

И последнее относительно контекста истории. Сохранился ли неизменным сам цех историков? Что объединяет их сейчас: общие договоренности о предмете и о терминологии, образование,

ассоциации, периодические издания, четкое осознание значения истории, единые критерии оценки исторической продукции?

На наш взгляд, историков, несмотря на многие разногласия, пока еще объединяют общие нормы. Они сложились как цеховые, и их никто не вводил специально сверху. Но они действуют примерно так же, как правила хорошего тона. Давайте просто соблюдать их, и российский читатель получит хорошие учебники и книги по истории.

Никита Загладин,
доктор исторических наук,
профессор,
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Юрий Петров,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН

Новый учебник по российской истории XX века

Курс отечественной истории составляет основу гуманитарного образования и гражданского воспитания в большинстве стран мира. Российская школа – не исключение. Поэтому и учебная литература по данному курсу вызывает у нас, как и везде, большой общественный интерес. Новый учебник по истории нашей страны в XX веке, подготовленный коллективом историков, педагогов и методистов¹, стал победителем конкурса 2002 года, проведенного Министерством образования РФ, по созданию учебников в области новейшей отечественной истории для общеобразовательных учреждений.

Новое учебное пособие состоит из восьми глав, содержание которых соответствует программным требованиям и тематическому планированию в средней школе:

1. Российская империя в первые десятилетия XX в.
2. Россия в годы революции и гражданской войны (1917–1922).
3. СССР в 1920–1930-е гг.
4. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.
5. От сталинизма – к «оттепели»: Советский Союз в 1945–1964 гг.
6. СССР в 1960-е – начале 1980-х гг.
7. Перестройка, новое политическое мышление и кризис советского общества.
8. Российская Федерация в 1991–2002 гг.

¹ Загладин Н.В. (отв. редактор), Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. История Отечества. XX век: Учебник для 9 класса основной школы. М.: «Русское слово», 2002. 384 с. Тир. 30 000.

В чем его принципиальная новизна и отличие от прежних учебных пособий по отечественной истории? От имени коллектива авторов хотелось бы познакомить читателя «Вестника Института Кеннана в России» с общеисторической концепцией и методической стороной подготовки учебника. Авторы, профессиональных историков, объединяет общая позиция, которая сводится к тому, что изучение курса отечественной истории дает большие возможности для раскрытия вклада России и населяющих ее народов в мировое развитие и имеет особое значение для формирования политического и патриотического сознания у российских школьников. К сожалению, эти возможности, особенно при освещении России – СССР в XX веке, в последние годы использовались крайне ограниченно в силу причин как объективного, так и субъективного характера.

Публицистическая, а отчасти и научная мысль обратилась к критическому переосмыслению взглядов на недавнее прошлое, преобладавших в период существования СССР. При этом, несмотря на раскрытие архивных документов, материалов, позволяющих переосмыслить многие эпизоды истории советского общества, новые научные оценки особенностей его развития складывались очень медленно.

Многие авторы, работавшие ранее в условиях жесткой партийной цензуры, пошли по пути не критического заимствования суждений зарубежной советологии, порожденных условиями «холодной войны». Наметилась тенденция эмоционального морализаторства на материале истории России в XX веке, эмоционального самобичевания, отрицания всякого позитивного вклада «этой страны» в мировую историю. В итоге сложились концепции, представляющие Россию, а затем и СССР, в виде отсталой, полуварварской страны, на протяжении большей части своей истории угрожавшей цивилизованным государствам, постоянно

и в целом безуспешно стремившейся догнать Запад. По сути, эти оценки являются реминисценций советских представлений, перенесенных на весь период XX века, о дореволюционной России как стране без исторической перспективы, которую от национальной катастрофы спасла лишь Октябрьская революция.

В то же время в современном российском обществе получают распространение мессианские взгляды на Россию как особый цивилизационный тип вне западной либерально-рыночной модели. Представляется, что в данном случае имеет место возрождение в новой форме прежних мифологем о России как провозвестнице светлого будущего для народов мира. Место прежних коммунистических лозунгов заняли новые, геополитические, евразийские и т.п., акцентирующие внимание на «особости» России, поиске ею исторического пути вне западной системы ценностей. Во многом они базируются на публицистическом представлении о дореволюционной России как стране благоденствия, «которую мы потеряли», и тенденции представлять весь советский период как некую «черную дыру», через которую следует перешагнуть, чтобы отречься от этого «неудачного опыта».

Подобные концепции отразились и на содержании современных российских школьных учебников. При этом представляется, что их авторы не всегда учитывали особенности возрастной психологии, кругозора детей начала XXI века. Проблема преодоления исторического наследия прошлого, которая была значима для инициаторов перестройки, перед современными школьниками старших классов уже не стоит. На уровне 9-го класса они нуждаются, прежде всего, в реалистическом, основанном на фактах описании главных событий отечественной истории XX века. Любой иной подход способен утвердить лишь презрительное отношение к собственной стране и своему народу.

Авторы стремились избавиться от приема эмоционального морализаторства на исторические темы, получившего в наши дни распространение и в учебной литературе, и следовать принципу конкретно-исторического подхода. Изучение истории требует не столько осуждения тех или иных политиков прошлого, сколько объяснения причин, по которым они принимали те или иные решения, рассмотрения условий, в которых они действовали.

Исходя из этих общих посылок, авторы учебника поставили перед собой задачу построения объективного курса отечественной истории XX века на основе следующих методов: 1) последовательного применения принципов историзма и научной объективности; 2) особого выделения социокультурных аспектов развития общества в России и СССР; 3) компаративного (сравнительно-сопоставительного с опытом развития других стран) ее освещения, рассмотрения отечественной истории в контексте всемирной истории. Применение этих методов, как представляется коллективу авторов, позволяет избавиться учебную литературу от односторонних подходов к освещению отечественной истории, которые получили широкое хождение в сегодняшнем российском обществе.

В частности, при освещении модернизационных процессов в дореволюционный период обращается внимание на несомненные успехи России на пути к индустриальному обществу (высокие темпы промышленного развития в начале XX века, позволившие стране войти в пятерку индустриально развитых стран мира), но в то же время констатируется запоздалость реформ правительства в аграрном секторе (аграрные преобразования Столыпина опоздали минимум на полвека), что лишило рыночную индустрию широкой крестьянской базы и в целом вело к дисбалансу в народном хозяйстве. Акцент на роли государства как компенсирующего фактора экономического рос-

та, распространенный в западной русистике (работы А. Гершенкрона) и оттуда перекочевавший в отечественную литературу, в учебнике уравновешен материалом о развитии частнопредпринимательского сектора как реального пути развития страны в рамках западной рыночной модели. Наконец, сбалансированы оценки роли иностранного капитала, которую западная историография склонна преувеличивать. Зарубежным инвестициям действительно принадлежала немалая заслуга в индустриальном прорыве дореволюционной России (вспомним Донбасс, ведущие горно-металлургические предприятия которого были созданы франко-бельгийскими предпринимателями), хотя в целом объем этих инвестиций и их влияние на экономику страны не отличались принципиально, например, от Германии и США, которые в XIX веке привлекли в экономику огромные зарубежные капиталовложения и на этой основе ускорили процесс перехода к индустриальному обществу. В целом в учебнике проводится мысль, что в начале XX века Россия вышла на путь современного экономического роста, который мог бы обеспечить мирную политическую эволюцию страны в рамках западной рыночно-демократической модели, но этой альтернативе не дали реализоваться экстремальные события Первой мировой войны, приведшие страну к революции.

Основное место в учебнике занимает история становления, эволюции и заката коммунистической системы власти и процессов, происходивших в обществе, которое до 1991 года называлось советским. Пережитые им масштабные социальные трансформации, ведущие тенденции и ключевые моменты внутренней и внешней политики коммунистического государства, судьбы науки и культуры представлены в новом учебнике в доступной для учащихся форме, а насыщенность параграфов фактическим материалом сочетается с концептуальными обобщениями.

Историческую трагедию, постигшую Россию в XX веке (Гражданскую войну, «военный коммунизм», массовые репрессии 1930-х годов), авторы учебника, ничуть не преуменьшая ее масштабов, старались рассматривать в общем контексте мирового развития. Изложение этих сюжетов вне данного контекста способно создать ложное впечатление, что СССР был некоей «черной дырой», где реализовывались самые худшие антиутопии.

В советский период модернизационная модель (ускоренное развитие индустрии в 1930-е годы, восстановление экономики после Великой Отечественной войны) действительно предусматривала совершенно иные методы форсированного развития по сравнению с другими странами. Речь шла о поиске собственного пути в эпоху глобального кризиса экстенсивной модели индустриальной цивилизации, симптомами которого выступили две мировые войны и установление тоталитарных режимов во многих государствах Европы межвоенного периода. Советский путь развития представлял собой попытку найти вариант решения данного кризиса в мировом масштабе за счет перехода к централизованному планированию экономики. Другой вариант преодоления кризиса – уничтожения конкурентов и утверждения мирового господства военной силой – пыталась утвердить фашистская Германия. Третий вариант – длительной стагнации при повышении роли демократического государства – в 1930-е годы демонстрировал «новый курс» Ф. Рузвельта в США.

В то же время партия большевиков, решавшая задачу модернизации страны, равно как и продолжавшая их политику КПСС, находилась под влиянием односторонних и неадекватных реальности идеологических воззрений, стремилась перекрыть жизнь по умозрительным рецептам. Это стало причиной неоправданной растраты людских и материальных ресурсов. Большевикам не удалось создать эф-

фективную, жизнеспособную систему управления огромной страной. Осуществление власти методами насилия и произвола привело к массе человеческих трагедий, гибели миллионов людей.

В межвоенный период столкновение государств, олицетворявших различные перспективы изменения миропорядка, было неизбежным, и именно с этой точки зрения в учебнике оценивается дипломатическая подготовка Второй мировой войны, действия советской дипломатии в 1930-е годы. Такой подход, надеемся, способен парализовать влияние псевдоисторических сочинений, согласно которым Советский Союз является основным виновником начала войны. Особое внимание уделено раскрытию роли СССР в срыве планов фашистских режимов по установлению мирового господства. Параграфы учебника, посвященные Великой Отечественной войне, дают благодатный материал для формирования у учащихся патриотизма, чувства гордости за свою страну, которая заплатила высокую цену за разгром фашизма.

Модернизация, проведенная в советский период, опиралась на трудовой энтузиазм масс и позволила СССР, одержав победу в Великой Отечественной войне, по многим показателям выйти на второе место в мире. Однако при рассмотрении развития СССР в послевоенные годы авторы учебника попытались подвести учащихся к пониманию того, что наиболее успешным оказался путь преодоления кризиса индустриальной цивилизации за счет перехода к социально ориентированной рыночной экономике кейнсианского типа. После успешной реализации этой модели в группе индустриально развитых стран (в основном она сложилась в 1960-е годы) экономическая система, утвердившаяся в СССР, равно как и поддерживающий ее политический строй, утратили историческую перспективу.

Описание и оценка событий, связанных с перестройкой, распадом СССР,

десятилетием утверждения демократии в 1990-е годы, представляли для авторов особую сложность. Само слово «перестройка», до сих пор вызывающее у многих неприятие, употребляется в учебнике без кавычек, как слово, рожденное эпохой, как свидетельство ее иллюзий и надежд, в качестве полноправного исторического термина.

Взвешенные, объективные научные оценки событий недавнего прошлого еще не сложились. Тем не менее существуют возможности такого рассмотрения современного этапа развития России, которое будет отвечать интересам формирования активной гражданской позиции и воспитания патриотизма у учащихся. Тот факт, что российское общество нашло в себе силы самостоятельно преодолеть и переосмыслить идейное и политическое наследие прошлого, отказаться от тупикового пути развития, перейти к демократии, служит доказательством его духовной силы, существования у него потенциала дальнейшего развития.

Особое значение при этом приобретает формирование патриотического мировоззрения, отвечающего реальностям современного мира и не исключаящего знания тех крайне сложных и острых проблем, с которыми столкнулась наша страна в XX веке. Воспитание патриотизма у школьников не ограничивается обращением лишь к военно-патриотической тематике. В учебнике проводится мысль, что условия открытости общества, рост глобальной взаимозависимости народов и государств не только не исключают патриотизма, но и придают ему особое значение. В наши дни он должен пониматься как любовь к своей стране, уважение традиций и культур ее народов, заинтересованность в процветании Родины, повышении ее международного престижа, готовность защищать интересы государства.

Заметное место в учебнике уделяется проблемам развития России – СССР как многонационального, полиэтнического государства. Отмечается, что слож-

ности, возникавшие в сфере межнациональных отношений, в основном порождены неудачными политическими решениями правящих кругов, в то время как сами реальности истории XX века скорее сближали, чем разобщали народы России.

Авторами принималось во внимание, что в учебнике для 9-го класса не может быть места научным дискуссиям и полемике. В то же время характер изложения и подачи материала призван способствовать складыванию у школьников реалистического, взвешенного взгляда на исторический путь, пройденный нашей страной в XX веке. Россия, ее народы не только выдержали выпавшие на их долю испытания, но и внесли огромный вклад в мировую историю XX века, сохранили потенциал и возможности дальнейшего развития. Если новый учебник по отечественной истории будет способствовать формированию у подрастающего поколения чувства здорового патриотизма, основанного на знании реалий прошлого, авторы сочтут свою задачу выполненной.

Составной частью учебника является методический аппарат, содержащий проблемные и творческие задания к основному содержанию параграфов. Фрагменты документальных источников разных типов представлены в рубрике «Документальные материалы». При этом документальные источники не столько иллюстрируют текст параграфа, сколько дополняют его. Основные документы российской истории XX века, отобранные авторами, развивают у учащихся навыки самостоятельного или под руководством учителя анализа событий и процессов в обществе. Документальный материал снабжен вопросами и заданиями и предназначен для целенаправленного изучения.

Благодаря рубрике «История в лицах» учащиеся смогут получить более объемное представление об основных участниках многоактной исторической драмы, пережитой Россией в минувшем веке. Авторы пытались через характери-

стику тех или иных персоналий раскрыть специфику исторической эпохи, показать наиболее ярких деятелей того или иного периода. В то же время в учебнике отсутствуют ныне модные попытки возродить в той или иной форме элементы культа «сильной» исторической личности будь то, скажем, Столыпин, Сталин или Андропов.

В самом тексте параграфов учащиеся найдут определения важнейших исторических понятий. В учебник включены диаграммы, таблицы, карты, схемы, сводная хронологическая таблица, а также фотографии, рисунки, репродукции картин, плакатов и т.д., дающие ученику живое, зрительное восприятие прошлого. Они использованы в качестве средства эмоционального воздействия на учащихся, а также передачи новой, не вошедшей в основной текст информации. Так, наличие разнообразных карт по Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнам позволяет дать более наглядное, образное представление об участии страны

в важнейших событиях международной жизни. Особое место уделено иллюстрациям по истории отечественного искусства XX века.

Важнейшей частью методического аппарата учебника являются вопросы и задания в конце параграфа. Они ориентируют школьников не на механическое зазубривание, а в первую очередь на осмысление изученного материала, на самостоятельную работу.

Добавим, что в ближайшее время выходит из печати учебник того же коллектива авторов по отечественной истории XX века для 11-го класса общеобразовательной школы, также удостоенный диплома победителя Всероссийского конкурса 2002 года. Сохраняя преемственность с учебником для 9-го класса, он, исходя из возрастного показателя учащихся последнего класса школы, более насыщен концептуально-историографическим материалом, позволяющим юношеству проследить причинно-следственные связи событий отечественной истории минувшего века.

Виктор Шнирельман,
ведущий научный сотрудник
Института этнологии
и антропологии
РАН, Former Woodrow Wilson Center
Guest Scholar

Между евразеоцентризмом и этноцентризмом: о новом историческом образовании в России

Весной 1991 года, когда этнонационалистические движения в СССР были на взлете, Министерство образования РСФСР приняло решение о развитии «национальных школ». Одной из целей нового обучения должно было стать формирование «национального» (имелось в виду «этнического») самосознания и обеспечение преемственности этнической культуры на родном языке¹. Так впервые в истории России этнические меньшинства получили право изучать в школе историю своего народа в полном объеме, и в 1990-х годах вышло немало школьных учебников по региональной истории. Теперь их писали в основном представители местных народов, а не русские авторы, как это нередко наблюдалось с региональными историями прежде.

Одновременно в определенных общественных кругах, а также во властных структурах выражалась озабоченность по поводу отсутствия в стране четкой национальной идеи. Во второй половине 1990-х годов ее созданием даже занималась специальная правительственная комиссия, но никаких реальных результатов достигнуто не было, если не считать значительного разнообразия взглядов и подходов, выявленного с помощью анализа прессы². Между тем философы и историки нашли свое решение, которое выразилось в цивилизационном подходе, поддержанном некоторыми ведущими

¹ Кузьмин М.Н., Сусоколов А.А., Бацын В.К., Ешич М.Б. Концепция национальной школы: цели и приоритеты содержания образования. М.: Министерство образования Российской Федерации, 1994. С. 28–29.

² Орлов Б.С. Россия в поисках новой идентичности (90-е годы 20-го столетия). М.: ИНИОН, 1997; Сатаров Г. (ред.). Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997.

российскими учеными³ и получившим в современной России необычайную популярность. В настоящее время цивилизационный подход широко используется в школьном и вузовском образовании РФ. Он представляет Россию локальной цивилизацией, и, как нам уже приходилось отмечать, если бы ему удалось избежать этноцентристских формулировок, он был бы способен служить целям интеграции населения России в единую нацию⁴. В этом смысле его достоинство состоит в том, что он пытается проводить четкие культурные границы, определяя Россию как культурную целостность, отличающуюся от других аналогичных целостностей. Правда, критерии ее культурного своеобразия остаются неразработанными. Зато одно из важнейших отличий обнаруживается в уникальной российской истории. Говорится и о символической связи со «священной географией». Когда-то все это сознавали евразийцы, утверждавшие, что политическое единство России–Евразии обуславливается самой природой – ведь современная им Россия занимала протяженные равнины и степи, ограниченные естественными горными и морскими преградами. Цивилизационный подход придает России особый статус, лестный для тех, кто испытывает ностальгию по образу «мировой державы». Ведь Россия изображается не просто рядовым государством, а цивилизацией, «материком Евразией», и в иерархических рядах однопорядковых понятий ее место находится рядом не с Англией, Францией или Германией, а с Европой или с «атлантической цивилизацией».

Большую роль в развитии школьного образования в постсоветское время сыграл федеральный закон «Об образова-

нии», принятый в 1992 году. Он ставил своей целью соединить в школьном образовании общефедеральные интересы с республиканскими. Однако этого добиться не удалось, так как настойчивое движение к суверенизации и линия на национальное возрождение, охватившие отдельные республики в начале 1990-х годов, позволили местным чиновникам сделать гуманитарное образование на местных языках и с упором на местные культурные и исторические традиции титульных этносов приоритетным за счет задач общефедеральной культурной целостности. В Министерстве образования РФ это осознали лишь во второй половине 1990-х годов, и оттуда посылались жалобы на то, что в стране происходит «романтизация национальных (т. е. этнических. – В. Ш.) культурных ценностей, относящихся преимущественно к аграрному прошлому и не совместимых ни с современными образовательными, ни с интегративными целями национальной школы». Выяснилась принципиальная «невозможность механического сведения цивилизационных ориентаций разных культур к общему знаменателю, нерешаемость интегративных проблем с позиций любого одностороннего этноцентризма»⁵. По словам одного из ответственных чиновников этого министерства, в рамках «российской цивилизации» соединены «фрагменты ряда крупных цивилизационных платформ», которые требуют особого внимания к механизму интеграции входящих в нее разнотипных и многоукладных обществ на основе согражданства⁶.

Иными словами, идея «российской цивилизации» столкнулась с альтернативными образами действительности, представленными в республиканских

³ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 17–19; Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // А.Н. Сахаров (ред.). Мир историка. XX век. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С. 15–20.

⁴ Шнирельман В.А. Миф о прошлом и национализм // Т.Д. Венедиктова (ред.). Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. М.: Издательство Московского университета, 2003. С. 73.

⁵ Кузьмин М.Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. М.: Институт национальных проблем образования, 1997. С. 30.

⁶ Кузьмин М.Н. Полиэтничность российского общества и задачи системы образования как инструмента модернизации России. М.: Институт национальных проблем образования, 1998. С. 11–12.

учебниках. Что же на самом деле происходит с историческим образованием в республиках, где с 1993/1994 учебного года были введены школьные курсы по местной истории, и на федеральном уровне, где с 1999/2000 учебного года в старших классах общеобразовательных школ стал активно внедряться цивилизационный подход?

На обоих уровнях делается попытка дать учащимся представление о едином интегрированном социуме, тем самым вырабатывая у них соответствующую идентичность. Высшим уровнем является, разумеется, общероссийская идентичность. В московской системе образования одним из больших энтузиастов цивилизационного подхода является Е.Н. Захарова, заведующая кабинетом истории и обществознания Московского городского института открытого образования (бывшего Института повышения квалификации работников образования). Начиная с 1999 года, она постоянно пропагандирует его как в своих лекциях для учителей, так и в методических и учебных пособиях. Так как для получения более высокого разряда школьные учителя обязаны проходить курсы повышения квалификации, то им неизбежно приходится посещать лекции Захаровой и руководствоваться полученными от нее инструкциями. Вот почему представляет большой интерес то, в каком виде цивилизационный подход излагается Захаровой.

Опираясь на наследие, главным образом, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Л.Н. Гумилева, она пишет о более или менее изолированных друг от друга «культурно-исторических типах», или «цивилизациях», проходящих в своем развитии «стадии рождения, расцвета, старения и угасания». По ее мнению, следует выделять три типа цивилизаций – первичные (очаговые, древние), вторичные и периферийные. Первичные, как полагает Захарова, возникают самостоятельно и отличаются ярко выраженной самобытностью, вторичные естественным образом вырастают на их обломках, а периферийные формируются как бы на «голом месте» под влиянием контактов с «развитыми цивилизациями»⁷.

Что же следует понимать под «цивилизацией»? Захарова полагает, что это – «определенные культурно-исторические, этнические, религиозные, экономико-географические особенности отдельных стран, групп стран, этносов, связанных общей судьбой»⁸. Она предлагает и более емкую дефиницию: цивилизация – это процесс развития суперэтноса⁹. Аморфность первого определения совершенно очевидна, ибо, во-первых, неясно, следует ли учитывать названные критерии в комплексе или по отдельности, и что делать в том случае, если они покрывают несовпадающие в своих границах ареалы. Во-вторых, группы стран и группы этносов – это совершенно разные реалии (первые определяются политически, а вторые культурно)¹⁰. Второе определе-

⁷ Захарова Е.Н. Введение в обществознание. Ч. 1. Общество – культура – цивилизация. М.: Центр инноваций в педагогике, 1999. С. 54–58, 100–101; она же. Примерное планирование курсов истории и обществознания для 10–11 классов. М.: Школа-Пресс, 1999. С. 37; она же. Методические рекомендации к изучению истории в 10 классе. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 6.

⁸ Захарова Е.Н. Введение в обществознание... С. 61.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ Следует отметить, что четкое определение цивилизации отсутствовало и в учебном пособии В.М. Хачатурян по истории локальных цивилизаций, которое широко используется в школах. Там под локальными цивилизациями понимались «большие исторически сложившиеся общности, которые занимают определенную территорию и имеют свои особенности социально-экономического и культурного развития» (См. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до начала XX века. Учебное пособие для 10–11 кл. М.: Дрофа, 1996. С. 5). Очевидно, понимая слабости такого определения, она вынуждена была давать разъяснения в специальном методическом пособии к учебнику. Там цивилизация определялась как «большая социокультурная общность (во многих случаях надгосударственная, наднациональная, надконфессиональная), которая существует длительное время, имеет относительно устойчивые пространственные границы, вырабатывает специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни и осуществляет свой индивидуальный путь исторического развития» (См. Хачатурян В.М. Методическое пособие к учебнику «История мировых цивилизаций». М.: Дрофа, 2001. С. 38). Хотя и это определение не безупречно, оно все же много точнее того, которое дает Захарова.

ние представляется более четким, однако даже при самом внимательном чтении книг Захаровой читателю не удастся найти там определения суперэтноса, и остается только догадываться, что оно заимствовано у многократно цитируемого ею Гумилева.

В другом месте Захарова поясняет примером, что за основу цивилизации следует принимать религию. Ведь, как она пишет, вначале «христианская цивилизация» распалась на западно-римскую (католическую) и восточно-римскую (православную). А затем Западная Европа раскололась на католическую и протестантскую, что привело к развитию нескольких разных цивилизационных моделей¹¹. Что здесь имеется в виду, остается неясным: надо ли, например, считать, что в Германии, где север был занят протестантами, а юг – католиками, сложились две разных «цивилизационных модели»? Сама Захарова в своих учебных пособиях, посвященных Европе XV–XVIII веков, такого вывода избегает, да и термин «цивилизация» ей там оказывается ненужным¹². И как понимать провозглашение Захаровой России «православной цивилизацией»¹³? Ведь если в основе цивилизации непременно лежит религия, то как быть с неправославным населением России, прежде всего мусульманами, а затем буддистами, протестантами, католиками, иудеями и пр.? И куда следует относить, на-

пример, православных румын, болгар, сербов и греков, если Захарова признает только две суперцивилизации – Запад (протестанско-католический) и Восток, к которому, по ее словам, тяготеет православная Россия¹⁴? Кроме того, стремящаяся к изложению либерального подхода к общественным явлениям Захарова странным образом смыкается здесь с консервативными и почвенническими кругами, навязывающими русским фундаменталистскую православную идентичность¹⁵. По данным социологов, такая идентичность не столько прививает русским подросткам духовные ценности, сколько заставляет их возводить барьер между собой и другими народами¹⁶. Следует отметить, что евразийцы 1920-х годов поступали много осторожнее – они писали не о сложившейся «православной цивилизации», а о постепенной «православизации» неправославных народов России¹⁷. Но и это, как представляется, оказалось беспочвенной мечтой.

Очевидно, Захарова и сама чувствует некоторую несообразность жесткого соотнесения локальной цивилизации со строго определенной религией. Поэтому в другом месте она возвращается к более традиционному евразийскому определению российской цивилизации как «особому природно-географическому единству»¹⁸ и утверждает, что «цивилизационные особенности устойчивы

¹¹ Захарова Е.Н. Методические рекомендации... С. 27.

¹² Захарова Е.Н. Мир в XV–XVIII веках. Рабочая тетрадь для 7 класса. М.: Открытый мир, 1997; она же. Новая история: мир с конца XV по XVIII вв. М.: Мнемозина, 2002.

¹³ Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 37; она же. Методические рекомендации... С. 42; она же. Особенности российской цивилизации. Между Западом и Востоком. Пособие для учащихся и учителей. М.: АРКТИ, 2002. С. 7.

¹⁴ Захарова Е.Н. Особенности российской цивилизации... С. 13–14.

¹⁵ Об этом см. Элбакян Е.С. Духовный мир современной российской интеллигенции // Религиоведение. 2001. № 2. С. 150; Красиков А. Становление новой российской идентичности в контексте геостратегии // Е. Алексеева (ред.). Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 176–179.

¹⁶ Грачева А.М. Психосемантическое исследование особенностей обыденного сознания подростков в области межнационального восприятия // В.С. Собкин (ред.). Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. 4. Вып. 6. М.: Центр социологии образования РАО, 1998. С. 240–241.

¹⁷ Кстати, и Хачатурян вынуждена была пояснять, что цивилизации имеют поликонфессиональный состав и что термин «православная цивилизация» никак не отражает специфики России. См. Хачатурян В.М. Методическое пособие... С. 41.

¹⁸ Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 44; она же. Методические рекомендации... С. 53–56.

и заданы объективными географическими и климатическими факторами»¹⁹. Следовательно, религиозная принадлежность цивилизации не является существенным признаком, и Захарова находит возможным говорить о большом влиянии на восточных славян их дохристианских верований²⁰. Впрочем, все это оказывается второстепенным, когда выясняется, что российская цивилизация (идентичная, по Захаровой, «русскому суперэтносу») окончательно оформляется во второй половине XVI века в ходе завоевательных походов и территориальных приобретений. Иными словами, она фактически провозглашается идентичной империи²¹, а следовательно, своим становлением была обязана прежде всего политическому фактору. Действительно, огромную роль в истории России играло изменение ее территориальных пределов – их расширение или сужение. Это влияло как на культурную и этническую ситуацию в стране, так и на особенности внутренней и внешней политики. Однако если в разные периоды своей истории Россия занимала разное пространство, то где проходят территориальные границы «российской цивилизации»? Надо ли связывать их с Российской империей до 1917 года, или с СССР, или с современной Российской Федерацией? Автор даже не пытается ответить на этот вопрос, ограничиваясь замечанием о том, что Россия «по природе статична, подвержена циклическим колебаниям около некоторой точки равновесия, экстенсивна»²².

Мало того, утверждая, что локальная цивилизация не сводится к государственности и поэтому не имеет четких границ и что существуют переходные пространства, где пересекаются цивилизационные модели²³, Захарова, по сути, относит Россию именно к такому пространству. Но если Л.И. Семенникова именно на этом основании не решается назвать Россию полноценной цивилизацией²⁴, то Захарову «промежуточное положение» России не смущает, и она видит в ней особую «цивилизацию». От нее читатель узнает, что таким «переходным пространствам» свойственны черты тех ядер, между которыми они существуют²⁵. Но, пытаясь продемонстрировать базисные различия между Западом и Востоком, она фактически доказывает, что Россия много ближе к последнему²⁶. Если это действительно так, то читатель вправе спросить, в чем же заключается промежуточное положение России и почему ее нельзя прямо включать в круг восточных цивилизаций.

Возникает проблема и с «устойчивостью» как признаком цивилизации – ведь Захарова допускает серьезную «трансформацию цивилизационных ценностей»²⁷, не объясняя, как это соотносится с утверждением о «статичности» цивилизации и почему это не ведет, например, к переходу на иную «цивилизационную модель». Однако Захарова не просто знакомит учащихся с тем, что ей кажется «цивилизационными ценностями» России, но и заставляет их заучивать, таким образом прививая школьникам стереотипы²⁸.

¹⁹ Захарова Е.Н. Особенности российской цивилизации... С. 4.

²⁰ Захарова Е.Н. Методические рекомендации... С. 57–58.

²¹ Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 87–88; она же. Методические рекомендации... С. 88–95.

²² Захарова Е.Н. Методические рекомендации... С. 133.

²³ Захарова Е.Н. Особенности российской цивилизации... С. 5.

²⁴ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Уч. пособие для вузов. М.: Интерпракс, 1994. С. 100–109.

²⁵ Захарова Е.Н. Особенности российской цивилизации... С. 6.

²⁶ Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 87; она же. Особенности российской цивилизации... С. 13–22.

²⁷ Захарова Е.Н. Особенности российской цивилизации... С. 29.

²⁸ Там же. С. 65. Кстати, утверждение о будто бы необычайной устойчивости отдельных цивилизаций, имманентно присущее цивилизационному подходу, обычно не сопровождается глубоким анализом причин этой устойчивости. Так, Хачатурян ограничивается отсылкой к понятию «ядра», но не объясняет, что оно собой представляет. См. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций... С. 5.

Наконец, возникает вопрос о том, кто же является субъектом «русской цивилизации». Если на страницах учебных пособий, созданных Захаровой, читатель встречается восточных славян, русских и «русский суперэтнос», то остается в неведении о том, что, кроме русских, «русская цивилизация» включала и включает десятки других этнических групп, существующих и по сей день. Захарова лишь вскользь упоминает о том, что «русский суперэтнос» формировался как многонациональный, имея в виду, что на севере восточные славяне смешивались с финно-уграми, а на юге – с тюрками²⁹. О том, что многочисленные финно-угорские и тюркские народы, не говоря уже о других, сохраняются до сих пор в «несмешанном» виде, читателю узнать так и не удается. Похоже, что эта особенность вообще свойственна многим учебникам, основанным на цивилизационном подходе³⁰. Характерно, что, призывая к усилению культурологического акцента в школьном учебнике отечественной истории, автор журнала «Преподавание истории в школе» тоже имел в виду культуру исключительно русского народа; о других народах России он даже не вспоминал³¹.

Превращаясь в определенную тенденцию, такой подход порождает шовинистические взгляды на историю России и ее отдельных регионов, несовместимые с реальностью. Например, челябинские законодатели просто вычеркивают «иностранцев» из далекого прошлого своей области. В учебном пособии, выпущенном под грифом Законодательного собрания и Администрации Челябин-

ской области и предназначенном для депутатов, государственных чиновников и преподавания в вузах, история Волго-Уралья начинается с упоминания «двух могущественных для того времени царств – Хазара и Булгара», образованных будто бы «славянскими племенами»³². О ранних тюрках и их истории в Приуралье челябинским читателям, похоже, знать не положено. Они узнают о «мусульманах-башкирах» только в разделе, посвященном XVII веку, в связи с попытками насильственной христианизации башкир и их ответными восстаниями. О том, что башкиры являются коренным населением Южного Урала, авторы учебного пособия хранят молчание³³. Пример оказывается разительным, и по тому же пути идут авторы регионального учебника по истории Пензенской области. Называя (и правильно) мордву аборигенами края, они представляют ее предков «нашими предками»³⁴. При этом игнорируется то, что в школах Пензенской области учатся не только мордовские дети. Ясно, насколько такой этноцентристский подход далек от идеалов мультикультурализма. В свою очередь термин «православная цивилизация» не способствует пониманию того, что Россия является поликонфессиональной страной.

Не давая определения термину «суперэтнос», Захарова все же включает в свои пособия обсуждение понятия «этнос». Для нее «этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории общность людей, обладающая общими, относительно стабильными особенностями культуры, языка,

²⁹ Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 46–47; она же. Особенности российской цивилизации... С. 39.

³⁰ Шницерман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.). Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 141.

³¹ Рябцев Ю.С. Школьная отечественная история и русская культура // Преподавание истории в школе. 1997. № 7.

³² На самом деле оба они были тюркскими, причем в Волжской Булгарии официальной религией был ислам, а в Хазарии – иудаизм.

³³ Выдрин И.В., Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Челябинская область – субъект Российской Федерации. Челябинск, 1997. С. 7–1.

³⁴ История Пензенского края. Ч. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Пенза, 1996. С. 33–34.

психики, а также сознанием своего единства, своего отличия от других этнических образований»³⁵. Это рутинное примордиалистское определение, заимствованное из советской теории этноса³⁶, которым и до сих пор пользуются немало отечественных этнологов. Однако Захарова этим не ограничивается. Она знакомит учащихся с «двумя пониманиями»³⁷ сути этнического: а) этносы как биологические сообщества, «природные характеристики человека» и б) этносы как «реально существующие большие группы с присущими им чертами: языком, культурой, идентичностью». При этом если второй подход оставляется автором без комментариев, то для лучшего понимания первого она дает пространную характеристику теории Гумилева, к которой явно благоволит³⁸.

Как неоднократно отмечали отечественные ученые, обсуждавшие концепцию Гумилева, этнос не является биологической категорией, а его биологизация создает почву для расизма³⁹. С этим согласны и западные антропологи⁴⁰, неоднократно критиковавшие теорию

П. Ван ден Берге, развивающего подход, сходный с гумилевским⁴¹. Любопытно, что буквально на тех же страницах Захарова спешила отметить, что этнически чистые народы практически не встречаются⁴² и что «этничность – сложный социальный феномен, постоянный внутренний выбор принадлежности к той или иной культуре или нескольким культурам»⁴³. С этим вполне можно согласиться, отметив, что такой вывод не только полностью перечеркивает представление об этносах как «биологических сообществах», но и ставит под сомнение сами основы цивилизационного подхода в изложении Захаровой. Похоже, что сама она этого не осознает.

Не менее сомнительными являются ее попытки резко противопоставить Запад Востоку как «во многом противоположные культурные традиции, два типа духовности, два миропонимания»⁴⁴. Мало того, она подхватывает идущее от С. Хантингтона⁴⁵ модное, но далеко не бесспорное, предположение «о вероятности глобального столкновения цивилизаций Востока и Запада»⁴⁶ и заставляет школьников

³⁵ Захарова Е.Н. Введение в обществознание... С. 57; она же. Дидактические материалы к курсу «Человек и общество». М.: Школа-пресс, 1999. С. 76; она же. Введение в обществознание. Ч. 3. Социальная, экономическая, политическая, духовная сферы общества. Учебное пособие для 11 класса. М.: Школьная книга, 2001. С. 69.

³⁶ Ср. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 57–58.

³⁷ На самом деле их значительно больше. На удивление, мимо внимания Захаровой прошел принципиально иной подход к этничности, находящий широкое отражение в работах В.А. Тишкова. См. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997; он же. Идентичность и культурные границы // Олкотт М.Б., Тишков В.А., Малащенко А. (ред.). Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Центр Карнеги, 1997; он же. Этнология и политика. М.: Наука, 2001; он же. Переписи населения и конструирование идентичностей // Тишков В.А. (ред.). На пути к переписи. М.: Авиаиздат, 2003.

³⁸ Захарова Е.Н. Введение в обществознание. Ч. 3. С. 69–70. См. также Захарова Е.Н. Дидактические материалы... С. 76–77.

³⁹ Козлов В.И. Что же такое этнос? // Природа. 1971. № 2; Артамонов М.И. Снова «герои и толпа»? // Природа. 1971. № 2; Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа. 1971. № 2; Першиц А.И., Покишиевский В.В. Ипостаси этноса // Природа. 1978. № 12; Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 11; Tishkov V. A. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. London: Sage, 1997. P. 9–12.

⁴⁰ Smith M.G. Rev.: The Ethnic Phenomenon. Pierre L. van den Berghe. New York, 1981 // American Ethnologist. 1983. Vol. 10, № 2.

⁴¹ Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. New York: Praeger, 1981.

⁴² Захарова Е.Н. Введение в обществознание. Ч. 3. С. 69–70.

⁴³ Захарова Е.Н. Дидактические материалы... С. 77.

⁴⁴ Захарова Е.Н. Введение в обществознание. Ч. 1. С. 107.

⁴⁵ Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

⁴⁶ Захарова Е.Н. Введение в обществознание. Ч. 1. С. 130.

приводить исторические примеры «противостояния Запада и Востока»⁴⁷. Как мне уже доводилось отмечать, такой подход провоцирует расовые чувства⁴⁸ и ведет к формированию того, что на Западе называют «культурным расизмом»⁴⁹. Кстати, крупнейший современный социолог И. Валлерстайн однозначно трактует представление о «застылых цивилизациях» как выражение современного расизма⁵⁰. И вовсе не случайно цивилизационный подход нашел восторженный прием в национал-патриотических кругах как в России⁵¹, так и на Западе⁵². В России истории консервативной ориентации используют цивилизационный подход для противопоставления России Западу, откуда она будто бы испытывает постоянное давление и угрозу⁵³.

В качестве учебного пособия Захарова всячески рекомендует учителям пользоваться книгой И.Н. Ионина «Российская цивилизация, IX – начало XX вв.» (М., 1998). Однако, как уже отмечалось рецензентом этой книги, она не только страдает ошибочными положениями, но и, что важнее, слаба в методологическом отношении. Она

упрощает и вульгаризирует цивилизационный подход, в частности, сводя духовный фактор исключительно к религии. Кроме того, как заметил рецензент, все критические моменты российской истории учебник объясняет исключительно борьбой Запада и Востока⁵⁴, что, как мы уже знаем, свойственно и концепции Захаровой. И можно только согласиться с рецензентом в том, что «нельзя погружать неокрепшее сознание детей в сырые, сомнительные с научной точки зрения теории»⁵⁵.

Таким образом, цивилизационный подход не только уязвим для научной критики⁵⁶, но в своих популярных версиях формирует у учащихся культурный и религиозный фундаментализм, прививает им расовое мировоззрение и создает конфронтационные настроения. Чем же он так дорог своим сторонникам? Во-первых, как уже отмечалось, он подпитывает ностальгию по былому величию, сохраняя за Россией облик великой державы, если не политически, то культурно. Термин «цивилизация» придает ей особый престиж, поднимая над уровнем обычной страны. Во-вторых, настаивая на особом пути России,

⁴⁷ Там же. С. 107.

⁴⁸ Шнирельман В.А. О новом и старом расизме в современной России // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 1. С. 77, 83. См. также Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.

⁴⁹ См., напр., Taguieff, Pierre-Andre. From Race to Culture: the New Right's View of European Identity // Telos, Winter 1993 – Spring 1994. № 98–99.

⁵⁰ Валлерстайн И. Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 45.

⁵¹ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход... С. 144–145; он же. О новом и старом расизме... С. 79–83.

⁵² Goodrick-Clarke N. Black Sun. Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. New York: New York University Press, 2002. P. 75–79, 220, 260.

⁵³ См., напр., Сенявский А.С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // А.Н. Боханов и др. (ред.). Россия и мировая цивилизация. М.: Институт российской истории, 2000. С. 562–563.

⁵⁴ Черняков С. Хромающая методология, или монголо-татары как собиратели русских земель // Первое сентября. 1998. 22 декабря. С. 6. О других недостатках этого учебника см. Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // К. Пелленс и др. (ред.). Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 161.

⁵⁵ Черняков С. Об астрономическом вращении и историческом превращении // Первое сентября. 1999. 23 марта. С. 6.

⁵⁶ Еще в своем учебном пособии Хачатурян с сожалением отмечала неразработанность цивилизационного подхода, что, однако, не мешало ей рекомендовать его школе (См. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций... С. 3). Позднее она продолжала сетовать на неразработанность критериев выделения цивилизаций, что ведет к несовпадению списков цивилизаций, предлагаемых разными авторами (См. Хачатурян В.М. Методическое пособие... С. 39–40). Но ведь в этом и состоит ахиллесова пята цивилизационного подхода, страдающего от неограниченного субъективизма и произвола отдельных авторов!

он изымает ее из обычной универсальной эволюционной схемы, основанной на социально-экономических критериях⁵⁷. В этом реализуются призывы к «культуроцентризму», раздававшиеся в 1990-х годах как из окружения президента России⁵⁸, так и от деятелей системы образования⁵⁹. Тем самым снимается проблема сопоставимости с другими обществами, и термин «отставание» оказывается для России неприменимым⁶⁰ – он свободно заменяется понятием «самобытного исторического пути». Наконец, в-третьих, отказываясь от линейности исторического процесса в пользу цикличности, цивилизационный подход дарит России надежду на возрождение и новый взлет в будущем. Мало того, цивилизационный подход наделяет Россию особой «миссией» и прививает мессианское мышление⁶¹.

Одной из причин симпатии многих авторов к цивилизационному подходу служит то, что он будто бы отказывается от иерархии обществ и культур, свойственной формационному подходу, основанному на теории прогресса. Между тем сопоставление наиболее популярных в современной России схем, предложенных Семенниковой⁶² и Захаровой, свидетельствуют, что это не так. Ведь типологии и первой («цивилизации непрерывного развития»), «цивилизации циклического развития», «цивилизации непрогрессивной формы существования»), и второй (первичные, вторичные и периферийные цивилизации) сохраняют представление о более развитых и менее развитых цивилизациях, щедрых донорах и жалких реципиентах.

Отмеченный выше русоцентристский образ цивилизации встречает неприязненное отношение у нерусских групп населения. Ведь Россия имеет федеративное устройство, и в ее состав входят республики, выделенные по этническому признаку, т.е. по своему титульному населению. У таких титульных этнических групп имеются свои представления об истории, и они стремятся изобразить своих предков безусловными автохтонами, обнаружить в прошлом славные страницы их истории и, главное, связать их с какой-либо древней государственностью, что должно служить упрочению своего нынешнего статуса титульной нации. При этом дает о себе знать так называемая «постколониальная традиция», по которой местные истории, сколь бы своеобразными они ни хотят выглядеть, заимствуют свою структуру из прошлой колониальной или имперской традиции и как бы постоянно ведут с ней диалог.

В этом отношении этнические мифы моделируются по принципу мембраны и сплошь и рядом воссоздают (хотя нередко и с обратным знаком) иерархию взаимоотношений, сложившихся между доминирующей группой и этническим меньшинством. Например, чисто колониальное покровительственное и снисходительное отношение земледельцев к кочевникам, характерное для русской историографии, вызывало у потомков кочевых народов реакцию двух разных типов: некоторые (азербайджанцы) всячески пытались дистанцировать своих предков от кочевого мира, другие (татары, казахи) столь же настойчиво дока-

⁵⁷ Между тем М.А. Барг, один из первых пропагандистов цивилизационного подхода в России, справедливо подчеркивал, что он не должен противопоставляться формационному и отнюдь его не отменяет. См. Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 37; он же. Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктурщине или требование науки? // М.А. Барг (ред.). Цивилизации. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 14.

⁵⁸ Дмитриев В. Необходимость культурицизма // Свободная мысль. 1997. № 12.

⁵⁹ Рябцев Ю.С. Школьная отечественная история и русская культура // Преподавание истории в школе. 1997. № 7.

⁶⁰ Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 548–550.

⁶¹ См., напр., Захарова Е.Н. Примерное планирование... С. 85.

⁶² О ней см. Ширельман В.А. О новом и старом разизме... С. 77.

зывали величие кочевой цивилизации и наделяли ее высокими креативными, а не разрушительными способностями. Другим не менее красноречивым примером служат попытки части татарских интеллектуалов отказаться от этнонима «татары», перегруженного в русской историографии негативными коннотациями. Тем самым они как бы стремятся быть собой, одновременно отказываясь от себя, в соответствии с нормами «колониальной модели».

Результатом является парадоксальная ситуация, отмечающаяся, например, в Республике Татарстан, где не только возник раскол в местной научной среде, разделившейся на «татаристов» и «булгаристов», но и появились конкурирующие друг с другом школьные учебники, одни из которых навязывают учащимся «татаристскую», другие – «булгаристскую» идентичность. Цель «татаристского подхода», делающего акцент на золотоордынских корнях современных татар, состоит в культурной и языковой консолидации всех татар России под эгидой казанских татар. Татаристы мечтают и о символическом главенстве над русскими, что им якобы позволяет их славная история – ведь ранние тюркские кочевые империи процветали задолго до появления Киевской Руси, а могущественная Золотая Орда держала русские княжества в подчинении. В основе «булгаристского подхода», выводящего предков татар из Волжской Булгарии домонгольского времени, лежит забота о территориальной целостности и суверенитете современного Татарстана. Кроме того, этот подход стремится очистить татар от того негативного образа, который столетиями навязывался им русской литературой, обвинявшей их в разгроме Киевской Руси. Татаристская версия воспекает монгольское завоевание как славную страницу истории татар, а булгаристская – делает акцент на том, как

мужественные булгары первыми в Европе встретили натиск монгольского воинства. Нетрудно заметить, что татаристский подход является инклюзивным, а булгаристский – эксклюзивным. В своей крайней форме булгарская модель настаивает на резких различиях между местными булгарами и пришлыми захватчиками-татарами и даже призывает современных татар сменить свой этноним на название «булгары»⁶³.

Авторы республиканских учебников пытаются обнаружить для своего народа как можно более древних предков, изобразить их абсолютными автохтонами, наделить их славным прошлым, приписать им великие политические, военные и культурные достижения (создание древней государственности, наличие древней письменной традиции и пр.), в частности, связать их с какой-либо древней государственностью, что якобы должно легитимизировать современные политические права или претензии. С той же целью всемерно используется концепция «народа», помогающая подчеркивать непрерывность самобытной истории даже в условиях гибели своей собственной государственности от рук иноземных завоевателей и установления чужеземного гнета. При этом отдельные авторы учебников не останавливаются перед присвоением чужой истории, в частности, истории соседних народов, и пытаются приписать своим предкам не в пример более величественные достижения и славные деяния по сравнению со своими соседями. Будучи политизированы, такие манипуляции с прошлым ведут к тому, что родственным народам приходится бороться за одних и тех же предков, за общее историческое наследие (булгарское, майкопское, кобанское, скифское, аланское и пр.), что уже само по себе не способствует развитию нормальных добрососедских отношений. Иной раз учебники вос-

⁶³ Ширельман В.А. Предки и идентичность: модель Татарстана // Е. Алексеева (ред.). Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003.

производят архетипы, отражающие субъективную картину мира, построенную по оппозиции «свое–чужое», где «свое» всячески превозносится и идеализируется, а «чужое» выступает полной ему противоположностью⁶⁴.

Было бы неверным считать рассмотренное явление специфичным лишь для России. Во многом сходные с российскими методы национализации истории в течение десятилетий использовались в Иране⁶⁵. Этноцентризм характерен и для новых украинских учебников истории⁶⁶. Крайним этноцентризмом грешит вышедший недавно учебник «Христианское образование», по которому учатся дети палестинских христиан. Там Иерусалим назван «палестинским городом, построенным арабами-ханаанеями (иевусеями)». Об обитании в нем древних евреев в учебнике не говорится ни слова. Евреи упоминаются лишь в рассказе о том, как они будто бы «распяли Христа». Другой учебник «История арабов и современного мира» фактически оправдывает преследования евреев в средневековой Европе, отмечая якобы имманентно присущую евреям нетерпимость к неевреям, которая будто бы навязывается им Торой. В учебных картах государство Израиль полностью отсутствует, а его земли называются палестинскими⁶⁷.

Аналогичный этноцентризм можно найти и в учебниках, изданных в различных регионах бывшей Югославии. Например, вплоть до конца 1990-х годов в школах Боснии (как мусульманских, так и православных) преподавание истории велось по учебникам, которые путем апелляции к прошлому учили

ненависти к соседним этническим группам, и это внесло немалый вклад в идеологическую подготовку недавних кровопролитных конфликтов на Балканах. В результате анализа таких учебников члены международной комиссии составили целый список неприемлемых фраз, абзацев и даже страниц, которые они предложили вымарать из учебной литературы. Это относилось прежде всего к тем историческим экскурсам, где соседи характеризовались как насильники и захватчики⁶⁸. Не менее разрушительную роль сыграли этноцентристские версии местной истории и на Южном Кавказе⁶⁹.

От школьных учебников вряд ли можно ожидать вдумчивого и скрупулезного анализа всех сложностей исторического процесса. Это и не входит в их задачу, ибо она заключается прежде всего в воспитании у учащихся гражданского сознания. Проанализированные выше тенденции в российском школьном образовании заставляют серьезно обеспокоиться содержанием того гражданского сознания, которое вносится современной школой. Как было показано выше, упрощенный и вульгаризованный цивилизационный подход вряд ли способен прививать школьникам что-либо иное, кроме религиозного фундаментализма и культурного расизма. А этноцентристские версии региональной истории, безусловно, выковывают этнический национализм и неприязнь к чужакам. Неясно, как все это сочетается с программой воспитания толерантности, которая сейчас активно продвигается в школу одновременно с указанными подходами.

⁶⁴ Об этом см. Шнирельман В.А. В поисках престижных предков...

⁶⁵ Ram H. The Immemorial Iranian Nation? School Textbooks and Historical Memory in Post-revolutionary Iran // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6. № 1.

⁶⁶ Popson N. The Ukrainian History Textbook: Introducing Children to the «Ukrainian Nation» // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. № 2.

⁶⁷ Клугер Д. Виртуальная история по-палестински // Вести (Тель-Авив). 2002. 5 декабря.

⁶⁸ Watson P. Postwar Bosnia Still Battling Ethnic Hatred // The Daily Yomiuri. 2000. December 4. P. 9–10 (A).

⁶⁹ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Наука, «национальная мифология» и конструирование идентичности: размышления над школьным учебником истории

Создание школьного учебника – задача особого рода, в решении которой есть свои профессионалы. Вторгаться в эту область со своими рассуждениями кажется опрометчивым шагом. Тем не менее, подготовка учебника по истории не сводится к приложению методики преподавания к историческому материалу. «Образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории», – написал Марк Ферро более 20 лет назад¹. В начале XXI века еще важнее осознать, в какой мир вводят наших детей школьные учебники истории, какую идентичность они формируют.

Прежде всего, не всем понятно, насколько школьная история отличается от истории как науки (оставим за рамками нашего рассуждения фальсификации, которые наукой не являются). Ученые формулируют проблемы, ставят вопросы перед источниками и находят в них ответы. Меняется эпоха – меняются и проблемы, постановка вопросов. Даже если круг источников не расширился, новое поколение по-новому расскажет историю Французской или Российской революции. И этот новый рассказ не будет опровержением старо-

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 8.

Иван Курилла,
кандидат исторических наук, доцент,
проректор по международной
деятельности
Волгоградского государственного
университета,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar (1997),
Former Kennan Institute Short Term
Scholar (2002),
Former Fulbright Scholar (2001–2002)

го. Он предложит другую интерпретацию событий, с позиций нового опыта по-другому расставит акценты и, возможно, извлечет другие уроки из прошедшего. Но в чем-то он будет лишь дополнением существующих знаний, другой «проекцией» многомерного исторического процесса.

Школьный же учебник знает только одну концепцию истории, один вариант причинно-следственных связей и иерархии значимости отдельных событий. Ключевой вопрос здесь в том, кто задает эту концепцию. С какой целью?

Доктор исторических наук профессор Владлен Логинов недавно с горечью заметил: «Сначала мы плохо учим историю. Потом наши самые плохие ученики идут в политическую элиту. И затем они заказывают нам, как писать историю»². Так ли дело обстоит на самом деле? Способны ли «самые плохие ученики» «заказать» историю?

Известно, какую роль собственная идея истории играет в строительстве нации. В сегодняшней Украине отечественная история изучается в соответствии с идеями М.С. Грушевского, который видел прямую преемственность между Киевской Русью, украинским казачеством XVII–XVIII веков и Украиной нового времени, тогда как Московская Русь представляла в его работах как вариант колониальной истории³. Кто такой Мазепа: предатель или национальный герой? Спросите об этом у сегодняшних русских и украинских школьников – и вы услышите весьма различные ответы. Спросите у школьников в России и в Польше о Суворове – и вы снова столкнетесь с противоположными мнениями.

Да что там разные страны! В Татарстане «взятие Казани Иваном Грозным»

преподается как «нашествие». Как народам Северного Кавказа преподавать историю Кавказской войны? Согласны ли в сегодняшнем Новгороде и Пскове, что разрушение их средневековых купеческих республик было благом и необходимостью для создания сильного централизованного государства? Если согласны – это пример триумфа исторических учебников, формирующих единую идентичность в противовес региональной.

Вспомним, кстати, что в Советском Союзе основой пропаганды был именно исторический учебник. По «Краткому курсу истории ВКП(б)» изучалась не просто история партии – это был катехизис официальной идеологии.

Примеры можно умножать, и многие из них собраны в цитированной выше книге Марка Ферро.

Посмотрим, кстати, на современное преподавание истории в нашей школе.

Сегодняшние российские школьные учебники истории делятся на два «цикла». В первом цикле (5–9 классы) задача учебника в основном состоит в сообщении базовых исторических фактов⁴.

Во втором (10–11 классы) – в показе причинно-следственных связей. Авторы одного из учебников для старшей школы разъясняют в предисловии: «Вы не будете вяло и бездумно брести по второму кругу. ... Здесь главное не просто освежить и прочно закрепить в памяти то, как проходили различные исторические события. В гораздо большей степени, чем раньше, вам необходимо уяснить причинно-следственные связи между ними, выявить внутреннюю логику исторического процесса, найти ответы на вопросы, почему случились те или иные события, чем были

² Непредсказуемое прошлое. Алгоритмы реконструкции. История, которую мы потеряли, – или история, которая потеряла нас? // НГ-сценарии. № 6 (62). 2001. 10 июня. http://scenario.ng.ru/interview/2001-03-14/9_table.html.

³ Упрощенно говоря, отношение Украины к России представляет собой в этой парадигме аналог отношения Англии к США.

⁴ Понятие факта само подвергается сомнению в современной методологии, но вряд ли можно и нужно вводить в эти сомнения учеников среднего школьного звена.

обусловлены стремления и поступки исторических деятелей, какие последствия для страны и народа они повлекли за собой»⁵.

Однако вторым этапом осмысление истории не заканчивается. За ним следует третий, на котором приходит понимание того, что об одном и том же событии разные авторы расскажут совсем по-разному, выстроив свои причинно-следственные связи – один в области экономики, другой – политики, а третий – культуры. И каждая из этих книг будет по-своему убедительна; историки часто не спорят друг с другом, но добавляют все новые и новые тексты. От понимания этой сложности совсем недалеко до четвертого уровня познания истории, на котором история начинает проявляться как интерпретация фактов.

Весь вопрос в том, нужно ли и возможно ли предлагать разные объяснения одних и тех же фактов в школьном тексте.

Авторы цитированного выше учебника осознают эту проблему, однако, трудно сказать, что она ими решена удовлетворительно. В ряде случаев точки зрения других историков называются, но неизменно в усеченном виде и с авторским комментарием, утверждающим в качестве верной свою интерпретацию.

Вот показательный пример: параграф учебника с заголовком «Почему победили большевики?» начинается с изложения «двух наиболее типичных ответов» современных историков. После цитат (без ссылок на их источники) следует вывод авторов учебника: «Что можно сказать о таких оценках? Безусловно, явно упрощенными выглядят рассуждения о Также, думается, не следует абсолютизировать роль Ближе к исти-

не те историки, которые обращают внимание на ...»⁶.

Назвать такой подход плюралистическим трудно. Однако возможна ли вообще альтернатива – учебник, не навязывающий какую-то одну концепцию истории? Вопрос, не имеющий однозначного ответа. Вопрос, провоцирующий рассуждения. И уступающий по важности другому вопросу: нужен ли такой учебник?

Ответ на первый вопрос пытались дать во Франции более 30 лет назад. Там до сих пор не утихли ожесточенные споры о значении и наследии Великой французской революции. И именно эта страна чаще других выступает новатором в области исторической науки и образования. В 1969 году во Франции была проведена реформа преподавания истории. Тогда впервые прозвучала и критика традиционного подхода: «Новая педагогика ... “должна очистить нашу историческую память”, так как “догма, даже одетая в трехцветные одежды, все равно остается антиподом науки”. Отсюда делался вывод о необходимости “порвать с республиканской мифологией”, отказаться от изучения “трехцветного прошлого”, поскольку “национальная история является формой культурного империализма”⁷. Вместо изложенной в хронологической последовательности истории Франции авторы новых учебников предлагали изучать «историю всего, что окружает школьника»: прошлое транспорта, торговли, промышленности, городов, институтов и т.п., зачастую в обратном хронологическом порядке. Целью этих новаций было введение школьников в методологию научного исследования, развитие у них самостоятельного критического мышления, исключение навязывания опре-

⁵ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. 6-е издание. М.: Просвещение, 2002. С. 3.

⁶ Там же. С. 160–161.

⁷ Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991. С. 113–114.

деленной концепции исторического процесса. Результат оказался плачевным: к началу 1980-х годов стало ясно, что французские школьники плохо представляют историю, а некоторые из них (изучавшие Древнюю Галлию после Великой французской революции) считают, что революция была настолько разрушительной, что вынудила французов жить в пещерах и одеваться в звериные шкуры. В школы вернули «традиционную» историю⁸.

С моей точки зрения, настоящий плюрализм подходов в одном учебнике вряд ли достижим. Вероятно, для старшей школы можно ограничиться специальными вставками «О чем спорят историки?», в которых излагалась бы суть расхождений по ключевым проблемам пройденного раздела. Комментарии авторов учебника здесь неуместны, свое видение они изложили в основном тексте. Конечно, в университете учебник дополняется чтением источников и монографий. Но вряд ли стоит к этому стремиться в школе.

Дело в том, что школьная история не вводит учеников в проблематику и методы исторического исследования. У нее совсем другие задачи.

Что должно остаться в голове выпускника школы, который не планирует связать с историей свою жизнь? Набор определенных фактов? Каких? Еще Р.Дж. Коллингвуд и историки школы Анналов показали, что понятие «факта» является позитивистской фикцией. Любой «факт», с одной стороны, разложим на более мелкие, а с другой – зависит от описывающего его исследователя. В одном и том же событии один историк увидит проявление экономических законов, другой – политическую интригу, третий – социальную революцию, а четвертый – проявление национального

менталитета. Проблема в том, что все будут правы.

Отбор «фактов» в учебнике тем более отражает концептуальное видение автора. Так, например, у поступающих в вузы спрашивают о «воссоединении Украины с Россией» и об «освоении Сибири и Дальнего Востока», а не об экспансии Российского государства. Баланс травматических и героических страниц отечественной истории обязательно будет смещен в сторону героизма. И мне этот подход представляется правильным.

В соответствии с традицией «государственной школы» государственная политика и реакция на нее общества остается стержнем школьной программы. Гораздо меньше из сегодняшних учебников можно узнать о марксистском понимании истории как смене социально-экономических формаций и классовой борьбе. Есть, однако, исторические концепции, в основе которых лежат культурные и религиозные факторы, геополитика или развитие этноса (не останавливаясь на истинности или сравнительной «ценности» этих концепций, отметим, что школьный учебник их игнорирует). В целом же современная историография после «краха больших нарративов» сосредоточилась на описании картины мира средневекового мельника⁹ и других подобных задачах, очень интересных для исследователя, но далеких от школьного преподавания¹⁰.

Очень показательный симптом состояния школьной истории – деятельность академика Фоменко с последователями, взявшимися, вполне по-борхесовски (см. «Глен, Укбар, Орбис Терциус»), сочинять альтернативный мир с собственной альтернативной историей, подменив ею существующую. Любопытный интеллек-

⁸ Там же.

⁹ Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

¹⁰ Отдельный вопрос – будет ли когда-нибудь включен в школьные учебники анализ меняющихся «картин мира» людей прошедших эпох.

туальный эксперимент, вовлекающий, однако, толпы последователей (судя по тиражам книг), не подозревающих о его содержании. Чем им не нравится история, выученная в школе?

Таким образом, проблема школьного учебника истории выводит нас на ключевой вопрос всей системы школьного образования: в чем цель пребывания ученика в школе? Чего хочет общество от школы? Каким образом определяются требования общества?

Сегодняшняя российская школа продолжает ставить перед собой цель сообщения ребенку прежде всего набора знаний (а затем – умений и навыков). В гораздо меньшей степени осознанной целью образования в России является социализация школьника, или, говоря современным языком, становления его идентичности.

Школьный курс истории как никакой другой является краеугольным камнем построения личной, групповой и национальной идентичности. Именно на уроках истории на всю жизнь большинство из нас запоминают героев и предателей, Великую Победу и травму ГУЛАГа, узнают, что составляло гордость, а что – страдание народа. Но все эти вопросы связаны с системой ценностей, разделяемой и поддерживаемой обществом. Кто решал, что Павлик Морозов был героем? Кто решал, что не был?

Ключевым в формировании идентичности в школьном учебнике могут стать не факты сами по себе, а своего рода ориентиры. Так, в современных американских школьных учебниках говорится и об истреблении индейцев, и о рабстве негров. Однако это не мешает американцам гордиться своей историей. Во-первых, они признали историческую вину, а во-вторых, несмотря на все ошибки, они строили демократическую республику. Идея исторической миссии многое способна оправдать, помочь расставить правильные ориентиры. Еще более сложный случай представлен в Германии, где отечественная

история не дает повода для большой национальной гордости. Однако конституирующим нацию фактором являются экономические успехи страны. В истории именно экономические достижения Германии на разных этапах ее развития становятся важнейшими «маяками», социализирующими немцев как великую нацию.

Россия долгое время также имела ту или иную историческую миссию: «Третий Рим», объединитель славянства, первая в мире страна социализма, общество строителей коммунизма. Это позволяло видеть в прошлом те тенденции, которые вписывались в историческую миссию, в позитивном плане. Эти события и тенденции являлись для общества конституирующими и потому особенно важными.

После распада СССР и краха последней по времени миссии (краха советской идентичности) возник и кризис исторических учебников. Поэтому несколько лет назад мы были свидетелями попытки придумать «национальную идею» – тогда много говорилось об идее объединяющей, но вскоре выяснилось, что таковой могла стать только идея мессианская.

Сегодня мы находимся в уникальной ситуации конструирования новой идентичности российского общества. Нельзя недооценивать роль школьного учебника истории в этом процессе. Продолжаются споры неозападников с неославянофилами: на чьих идеях будет построен новый учебник? Наверное, уместно здесь вспомнить об опыте Турции: образование (наряду с государственной и военной службой) в этой преимущественно мусульманской стране со времен Мустафы Кемалья-паши Ататюрка «прививает» светскую идентичность, задавая вектор развития страны на многие десятилетия. Кто будет определять концептуальную направленность российских школьных учебников? Кем будет в них Петр I: тираном или просветителем? Кто окажется прав: царь Александр или народовольцы? Красные

или белые? Ельцин или Хасбулатов? В таких вопросах не всегда удастся найти «золотую середину». Где, наконец, настоящие долговременные интересы и друзья России: на Западе или на Востоке? Когда ответы на эти вопросы закрепятся в «стандартных» учебниках для средней школы, можно будет увидеть, какая из моделей развития России победила на этом историческом этапе. Но если нам не понравится эта модель,

тогда уже будет поздно что-то предпринимать.

Так или иначе, только российское общество должно определить, каким оно хочет видеть себя в будущем. По традиции российское государство отождествляет себя с обществом и берет на себя эту роль. Именно его решение продиктует концепцию школьного учебника. Не надо только выдавать национальный миф за науку.

*«Национальный мир»
или «тюрьма народов»?
Современные учебники
о межнациональных
отношениях
в Российской империи на
рубеже XIX–XX веков*

История межнациональных отношений в СССР и Российской империи – одна из самых противоречивых, болезненных и неоднозначно трактуемых страниц прошлого России. Очевидно, что дискуссии на эту тему в научной литературе стихнут нескоро. Между тем практика преподавания в вузах и школах уже сейчас требует от ученых представить убедительную и достаточно непротиворечивую картину истории «национального вопроса» в России. Как же решается эта проблема в современных учебниках по истории? Отвечая на этот вопрос, приходится признать, что ситуация в данной сфере далека от благополучия. Столкновение противоречащих друг другу трактовок, размытость фактической базы, обилие спорных утверждений, явное преобладание идеологических манифестов над беспристрастным научным анализом – все эти особенности современных учебников не столько проясняют, сколько еще более запутывают историю межнациональных отношений в России. Каковы же причины подобной ситуации? И какие шаги следует предпринять для ее преодоления?

Сложности в истолковании истории национального вопроса во многом вызваны тем, что российские авторы, бравшиеся с конца 1980-х годов за освещение этой темы, не имели прочной научной «почвы» под ногами. В СССР в течение долгого времени был факти-

*Александр Полунов,
кандидат исторических наук, доцент
факультета государственного
управления МГУ,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

чески наложен запрет на объективное изучение сферы межнациональных отношений. Занимавшийся этими вопросами историк, по замечанию В. Бухарева и Г. Бордюгова, был по сути декоративной фигурой, призванной демонстрировать окружающему миру достижения советского социализма в разрешении национального вопроса¹. Освещаемая в советской учебной и научной литературе весьма лаконично и размыто, история национального вопроса в целом трактовалась в духе тезиса «Российская империя – тюрьма народов» (концепция, восходящая к «Краткому курсу ВКП(б)» и программным установкам партии большевиков до 1917 года). В результате авторы современных российских учебников при истолковании истории межнациональных отношений в Российской империи оказались в тупике. Находясь в зависимости от идеологических трактовок советского периода, они либо воспроизводили эти трактовки, либо, пытаясь отвергать, «выворачивали наизнанку», давали их зеркальное отображение.

Первый подход был характерен для учебников, вышедших или писавшихся в первой половине 1990-х годов. Помимо «дефицита времени», необходимости в срочном порядке заполнить возникшую на книжном рынке нишу на содержание этих учебников повлияли широко распространенные в начале 1990-х годов «антиимперские» настроения, отталкивание от всех форм «национализма», «великодержавности». По мнению Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной, учебник которых на многие годы стал фактически базовым для старших классов средней школы, «в национальном вопросе царское правительство стояло на позициях тео-

рии официальной народности». «Верхи» Российской империи считали, что «государственная власть имеет право ассимилировать присоединенные к России народы... Русские националистические круги выдвинули лозунг “Россия для русских”. Они выступали за насильственную русификацию, политические и религиозные преимущества русским»².

В ряде случаев зависимость авторов от литературы советского времени доходила до прямого текстуального сходства с «Кратким курсом». Так, И.Н. Ионов в учебнике для 10–11 классов средней школы следующим образом охарактеризовал состояние национального вопроса в России: «Представители нерусских национальностей, населяющих территорию Российской империи, презрительно именовались “инородцами”. Царское правительство не желало замечать накопившихся различий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд “русских” и не считаясь с наличием украинских и белорусских языков. Свокорыстие в национальной политике постоянно умножало противоречия между русскими и украинцами, грузинами, казахами. Однако эти противоречия замалчивались. Напротив, нормой являлось славословие в адрес Российского государства»³. Подобная точка зрения получила достаточно широкое распространение в учебной литературе. Так, автор пособия для вузов В.А. Поцелуев пришел к выводу, что в царской России «выработалось снисходительно-покровительственное или пренебрежительное отношение к “туземцам”, “инородцам”», а «великодержавная политика царизма проявлялась в насильственной русификации, ограниче-

¹ Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 21–73.

² Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества (1900–1940). СПб., 1998, С. 30–33 (учебник регулярно переиздавался с начала 1990-х годов).

³ Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. Пособие для учащихся 10–11 классов. М., 1994. С. 259.

нии вероисповедания и других прав многих народов»⁴.

Очевидно, что подобные трактовки не могли надолго удержаться в учебной литературе уже в силу своей очевидной близости к штампам советского времени и явно идеологизированной подоснове. Не мог не повлиять на освещение национального вопроса и явный сдвиг «вправо», в сторону имперских и национально-государственных ценностей, происшедший в российском общественном сознании в 1993–1996 годах. Пытаясь отреагировать на противоречивые тенденции в учебной сфере и общественно-политической жизни, ряд авторов оказался «на распутье». Не решаясь отказаться от либеральных ценностей, они попытались соединить их с признанием оправданности существования Российской империи путем конструкций «с одной стороны... с другой стороны». Так, П.Н. Зырянов отметил «злоупотребления и произвол» русского чиновничества в новоприсоединенных землях Средней Азии, незнание им местных языков и обычаев и в то же время указал на «благоприятные перемены» после установления русского владычества (закончились междоусобные войны, отменено рабство)⁵. Такой подход позволил обойти острые углы, и все же итог исторического изложения остался неясен. Что превалировало в сфере межнациональных отношений – принесенные самодержавным государством «благоприятные перемены» или «произвол»? Искупали ли «благоприятные перемены» в глазах присоединенных к империи народов

факт утраты собственной государственности? Каков был окончательный баланс различных исторических начал? Без ответа на эти вопросы читатель не в силах составить ясного впечатления от знакомства с учебным материалом.

Ряд авторов, почувствовав «взрывоопасность» обращения к истории межнациональных отношений в Российской империи, попытался вычленив эту тему из общего рассказа о прошлом дореволюционной России и дать ему преимущественно позитивную трактовку. Так, А.А. Данилов и Л.Г. Косулина, в целом критически оценивая внешнюю и внутреннюю политику самодержавия, сделали исключение для сферы межнациональных отношений. По мнению авторов, «на огромных российских просторах мирно сосуществовали все основные мировые религии... Царское правительство управляло национальными территориями с помощью местной знати, не стремилось подрывать сложившиеся там устои жизни и религию». При таком подходе изложение становится весьма противоречивым. Сфера межнациональных отношений выглядит неожиданным и необъяснимым «оазисом благополучия» на фоне близорукой и просто провальной политики самодержавия во всех остальных сферах. Сталкиваются с противоречиями при изложении истории России XX века и сами авторы. Так, с картиной национального и религиозного мира явно расходится упоминание об «антисемитском курсе правительства», который вылился

⁴ Поцелуев В.А. История России XX столетия. Учебное пособие. М., 1997. С. 24. Ср. формулировки «Краткого курса»: «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрепятственно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье» (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946. С. 6).

⁵ История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 1996. В данном пособии для студентов вузов без изменений воспроизведен текст, написанный П.Н. Зыряновым для учеников 8 класса средней школы.

«в кровавые еврейские погромы, оттолкнувшие от власти передовые слои русского общества»⁶.

Подобные противоречия, становившиеся все более заметными, сами по себе должны были стимулировать пересмотр подходов к освещению национального вопроса в российской учебной литературе, эволюцию этих подходов в сторону более цельной концепции. Дополнительным стимулом пересмотра стал взрыв этномобилизационных процессов в бывших советских республиках и национальных регионах Российской Федерации, появление там концепций, носивших зачастую остро критический по отношению к советско-имперскому прошлому характер⁷. Подобные процессы стимулировали стремление части российских авторов ответить на вызов «контрвызовом», подавить «негатив» антиимперских трактовок подчеркнuto категоричным и эмоционально насыщенным утверждением правоты имперских начал. Здесь-то и проявилась вторая, неявная форма влияния советских образцов на современную учебную литературу. Отвергая советское наследие, авторы фактически стали воспроизводить его с переменной знаков, выворачивая наизнанку.

Характерной чертой подобного «проимперского» подхода стал отказ от трактовки России как «догоняющей страны» в духе популярной в начале 1990-х годов «теории модернизации»⁸. Авторы, избравшие «проимперский» подход, всячески подчеркивают самобытность России, уникальность ее исторической судьбы. Так, по мнению А.Н. Боханова, «Россия в общепринятом смысле никогда не была колониальной державой и тем качественно отличалась от западноевропейских империй... У нее не было

метрополии как таковой... Темпы экономического развития целого ряда окраин, так называемых “колоний” были значительно выше, чем во многих “чисто русских”, исконных областях и землях (ситуация совершенно немыслимая ни для Французской, ни для Британской империй)». «В XIX в. Российская империя включала сотни племен и народов, каждый из которых сохранил исконные черты, собственную культуру, традиции и обычаи»⁹.

У историка-профессионала подобный текст сразу же вызовет массу вопросов. Что такое «колониальная держава в общепринятом смысле»? Что такое «западноевропейские империи»? Перечисленные А.Н. Бохановым черты действительно отличают Россию от империй морских – Англии и Франции, зато сближают с империями континентальными – Османской и особенно Австрийской. В последней также существовала многонациональная элита, не было четких границ между «метрополией» и «колониями» и др. Вызывают сомнения и категоричные утверждения автора: «новые территории никогда не разграблялись», «Российская империя включала сотни племен и народов, каждый из которых сохранил исконные черты», «везде сохранялись существовавшие до того общественный уклад и привычные нормы жизни». Любое из этих утверждений при подробном рассмотрении может столкнуться с убедительными контраргументами и фактами, которые будет весьма нелегко опровергнуть. В изложении А.Н. Боханова картина межнациональных отношений в Российской империи стала заметно более цельной, непротиворечивой, однако потеряла в научной обоснованности.

⁶ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. Учебное пособие для 9 класса. М., 1998. С. 7, 22.

⁷ См.: Ушаков А., Константинов С. Восприятие истории народов СССР и России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 74–103.

⁸ См.: Семенчикова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994 (1-е изд.).

⁹ История России. XX век. Учебное пособие для вузов. М., 1996. С. 17–18; Боханов А.Н. История России (XIX – начало XX в.). Учебник для 8–9 классов. Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1998. С. 7–9.

Свидетельством растущей популярности «проимперских» концепций стал и учебник, подготовленный коллективом авторов из Московского педагогического государственного университета под редакцией А.Ф. Киселева и Э.М. Шагина. По мнению авторов, Россия представляла собой «уникальное государство, многонациональное население которого объединялось общностью исторически сложившихся судеб», «сложный организм», который «трудно было разделить без ущемления прав отдельных народов». При создании империи русские (великороссы) «расселялись по всей стране, осваивая новые незаселенные земли». «Благодаря присутствию им чертам национального характера, прежде всего человеколюбию и уживчивости, они дружно жили с местными народами, поддерживая с ними добрососедские отношения». Книга под редакцией Киселева и Шагина – единственный учебник, открыто полемизирующий с «Кратким курсом» и программными положениями большевиков, на которые он опирается. Авторы считают, что определение «Россия – тюрьма народов» имело политическую подоснову: оно было «вызвано фанатичной политической борьбой Ленина с царизмом, стремлением использовать в борьбе за власть националистические элементы»¹⁰.

В книге дается развернутая картина национального мира, который царил в Российской империи. По мнению авторов, «российское законодательство было одинаковым для всех народов», в России не было вымирания «инородцев», не существовало «никаких ограничений для мусульман» и «никаких столкновений между мусульманами и русскими на религиозной почве». Элита Российской империи носила многонациональный характер. «За отделение выступали лишь польские, частично финские и западноукраинские сепаратисты». Если в нацио-

нальных районах и наблюдалось недовольство, то оно было вызвано главным образом подстрекательствами извне. Так, «сепаратистский» потенциал униатской религии на западе Украины был связан прежде всего с тем, что она «в течение двух веков... постепенно и умело сближалась ксендзами и иезуитами с католичеством».

Вновь приходится признать, что авторы, несмотря на изменение точки зрения, не смогли нарисовать убедительную картину прошлого страны. При внимательном прочтении в тексте учебника становятся заметны явные несостыковки. Почему направляемые извне происки находили почву в Российской империи, если она была страной национального мира? В книге бегло упоминается, что от правительства все же требовалась «более гибкая национальная политика», но в чем состояла негибкость политики уже проводимой, из текста остается неясным. В ряде случаев противоречия встречаются буквально в соседних абзацах. «В России не было никаких ограничений для мусульман», но в то же время «в начале XX в. в Баку, Казани, Крыму возникают националистические организации» (зачем они были нужны, если никаких ограничений не существовало?) Ликвидация униатской церкви в Российской империи в 1875 году вызвала недовольство «отдельных прихожан», но уже через несколько строк выясняется, что таких «отдельных» к 1905 году набралось 160 тыс. Причины, вызвавшие грандиозное и кровопролитное (с обеих сторон) восстание 1916 года в Казахстане, бегло характеризуются как «земельные споры».

Скрупулезно внимательные к цифрам, когда они «работают» на концепцию учебника, авторы в других случаях впадают в неопределенно-расплывчатый стиль изложения. Особенно широко такой прием применяется при рас-

¹⁰ Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов в 2 т. Т. 1. Под ред А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1998. С. 10–17.

сказе о положении евреев в начале XX века. По мнению авторов, к началу столетия категория евреев, имевших право жить вне черты оседлости, становилась «все больше». «Многие» богатые евреи получали дворянство и «роскошно» жили в столицах, евреи составляли «большинство лиц свободных профессий». Насколько именно увеличилась указанная категория евреев, действительно ли «многие» из них жили роскошно, каков на самом деле был национально-религиозный состав «лиц свободных профессий» и кто, собственно, входил в эту группу – из текста учебника узнать нельзя.

Подводя итог, необходимо отметить, что в современной учебной литературе пока не найдена убедительная и научно обоснованная форма освещения истории межнациональных отношений в России. В настоящее время во многих учебниках превалирует стремление «вывернуть наизнанку» советские идеологические схемы, противопоставить «негативу» антиимперских трактовок категоричный «позитив», фактически отрицающий недостатки в устройстве Российской империи. Вряд ли подобные мотивы помогут сформировать

приемлемую для российского общества и объединяющую его картину прошлого страны. Очевидно, что ученым предстоит длительная работа по конкретно-предметному изучению истории межнациональных отношений в России, результаты которой должны непременно учитываться в учебной литературе. Нельзя заранее сказать, какими они будут, – можно лишь попытаться приблизительно наметить вехи, на которые следует ориентироваться при освещении истории Российской империи. Необходимо помнить, что как имперское целое, так и входившие в его состав народы имели свои законные интересы и право на существование. Следует обратить внимание не только на факт гибели Российской империи в начале XX века и причины, его вызвавшие, но и на обстоятельства, определявшие существование империи в предыдущие столетия. Представляется, что подобный подход позволит нарисовать убедительную картину истории межнациональных отношений в Российской империи, а в перспективе – использовать позитивные элементы исторического опыта в этой сфере в практике государственного управления.

Искусство и культура в современных курсах истории

Преподавание гуманитарных наук серьезно изменилось в начале 90-х годов. После принятия закона «Об образовании» вкус к программному творчеству ощутили многие учителя и методисты, вузовские и академические ученые. Поначалу новые учебники и пособия отличались прежде всего новым содержанием: методическая составляющая значительно отставала. «Белые пятна» отечественной истории привлекали авторов учебников гораздо больше, чем история отечественной культуры. Методическая проработка – последовательность подачи учебного содержания, учет дидактических принципов, продуманность контролирующих механизмов – оставляла желать лучшего в подавляющем большинстве случаев. Многие новаторские, современные по содержанию учебники были забракованы как официальными инстанциями, так и педагогической общественностью. До сих пор опытные историки-методисты болезненно реагируют на изменение акцентов в преподавании истории. Так, В.С. Грибов (Российская академия образования) пишет: «Не менее важной считаем мы подлинную, а не декларативную реализацию принципа историзма. По сию пору в практике преподавания наблюдаются искажения, особенно в оценках, когда изучаемые явления перемещаются в систему ценностей иной эпохи, чаще всего – современной, обретая из-за этого извращенный смысл»¹. Ситуация меня-

Борис Ланин,
доктор филологических наук,
заведующий Лабораторией
литературного образования
Российской академии образования,
профессор Всероссийской налоговой
академии, Former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

¹ Грибов В.С. Изучение истории: от углубленного к профильному // Профильное обучение в условиях модернизации школьного образования. М., 2003. С. 125–126.

лась довольно быстро, и в результате за 10–12 лет сформировалось новое поколение программ и учебников. Не будучи специалистом-историком, я хотел бы показать, какое внимание в школьном преподавании истории отводится вопросам искусства и культуры.

Одна из самых популярных учебных «линий», охватывающих все классы основной школы, создана А.А. Даниловым и Л.Г. Косулиной. Последний вариант их программы «История России»² является убедительным доказательством радикальных изменений в преподавании истории. В 6 классе изучается «История Отечества с древности до конца XVI в.», включая разделы «Культура Древней Руси» и «Быт и нравы Древней Руси». В 7 классе – «Образование и культура в XVII в.» и «Сословный быт. Обычаи и нравы». Подробно показаны изменения в культуре Петровской эпохи. Последовательно изучение культуры проводится через всю программу. Порой кажется, что разделы, посвященные истории культуры, могли бы составить отдельную, самостоятельную программу. Так, в 7 классе предполагается знакомство с новой системой стихосложения и крепостными театрами, с зарождением русской скульптуры и исторической живописи, с расцветом архитектурного классицизма и началом ансамблевой застройки городов. Уже здесь мы видим множество имен, порой малоизвестных и людям с весьма хорошим гуманитарным образованием: Б. Огурцов, Т.В. Шлыкова-Гранатова, В.А. Пашкевич, Е.И. Фомин, А.П. Лосенко, Г.И. Угрюмов, А.П. Антропов, М. Шибанов, А.Ф. Зубов, И.Н. Никитин и др. В истории XIX века мы встречаем имена писателей Н.И. Новикова, И.В. и П.В. Киреевских, Н.П. Огарева,

А.И. Одоевского, которые не изучаются в большинстве допущенных или рекомендованных Министерством образования курсов литературы. Более того, в 8 классе добавляются более развернутые темы и новые имена художников, архитекторов, композиторов, скульпторов: П.С. Мочалов, А.Е. Мартынов, А.Е. Варламов, А.Д. Захаров и др. Таким образом, интересующая нас проблематика подается с каждым классом все более и более насыщенно, с учетом исторического контекста, в тесной связи с традиционными аспектами преподавания истории.

Но наиболее подробно отечественная культура раскрывается в 9 классе. Напомним, что для многих учеников этот класс будет завершающим: минимум половина выпускников 9 класса не будет продолжать свое школьное образование. Подробно (хотя и без упоминания конкретных имен – в отличие от предыдущих эпох) раскрывается история «серебряного века»³ русской культуры. Упоминаются в разворотах не только различные поэтические течения, но и «Русские сезоны» С. Дягилева (единственная персоналия в разделе!), рождение кинематографа, такие уникальные меты времени, как «Мир искусства», «Голубая роза», «Бубновый валет». Затем прослеживается судьба деятелей «серебряного века» в советской России, вплоть до «философского парохода». Весьма чутко расставлены акценты в описании истории культуры 1928–1938 гг.: «От свободы творчества к творческим союзам. М. Горький. Социально-психологический феномен “социалистического реализма”»⁴.

Хотя термин «оттепель», ставший знаковым обозначением атмосферы после смерти Сталина, не упоминается, сама эта духовная атмосфера передается

² Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. 6–9 классы. [Программа] // Программы общеобразовательных учреждений. История. Обществознание. 5–11 классы. 2-е изд. М., 2001. С. 3–32.

³ Почему-то авторы выделяют «серебряный век» курсивом и пишут с прописной буквы. Мы придерживаемся более традиционного написания.

⁴ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. 6–9 классы. [Программа] // Программы общеобразовательных учреждений. История. Обществознание. 5–11 классы. 2-е изд. М., 2001. С. 24.

в программе достаточно полно. Здесь указывается не только концепция «развитого социализма», но и теория «обострения идеологической борьбы», говорится и о так называемой «магнитотонной революции», связанной с именами В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Визбора, Ю. Кима, Б. Окуджавы. Литература показана «в борьбе с идеологией застоя». Без упоминания терминов «шестидесятники», «деревенская проза», «третья волна эмиграции» (два последних термина школьники могут узнать из курса литературы) перечисляются писатели, связанные с этим явлением и направлениями: В. Аксенов, А. Солженицын, В. Максимов, В. Некрасов, В. Войнович, В. Гроссман, И. Бродский, Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Шукшин, В. Распутин, Ю. Трифонов. В разделе «Музыка», наряду с Г. Свиридовым, упоминаются «полудиссиденты» А. Шнитке и Э. Денисов.

В разделе «Перестройка в СССР: 1985–1991» отмечается утрата партийными органами контроля над средствами массовой информации и связанные с этим новые явления в литературе, театре, кинематографе.

Можно заключить, что проблемы культуры и искусства в этой программе представлены достаточно широко и подробно.

Конечно, новые информационные технологии дают замечательные, еще далеко не освоенные методические возможности для преподавания истории. Так, Ю.П. Господарик составил первый в методической литературе аннотированный обзор сайтов и веб-страниц, которые содержались к 2001 году в Интернете. В ходе исследования им были проанализированы более 230 сайтов

и веб-страниц на русском языке, среди них 76 – по истории Отечества до XX века, 52 – по истории Отечества XX века, 48 – по всеобщей истории, 24 – по истории стран СНГ и 35 сайтов по истории отдельных регионов России и городов. Исследователь замечает, что размещенные в сети материалы не охватывают всех важнейших тем истории России: «Фрагментарность видна и в том, что, например, вопросы экономической истории России пока в Интернете практически не представлены. Крайне сложно обнаружить интересные материалы по истории Отечества советского периода. Практически отсутствуют в сети Интернет и обучающие дистанционные курсы по истории»⁵.

Появляются, однако, мультимедийные учебные пособия на компакт-дисках. Так, учебное пособие «Россия на рубеже третьего тысячелетия» (2002) было не только рекомендовано Министерством образования Российской Федерации, но и выбрано для поставки в 39 тыс. школ России. Если даже допустить, что компьютеры уже есть в 39 тыс. (из 46 тыс. реально существующих, включая сельские и малокомплектные, с одним учителем и 8–9 разновозрастными учениками) российских школ, то выбор не представляется оправданным. Тексты на выпущенном известной фирмой «1С»⁶ диске написаны весьма сухим языком, а по содержанию мало чем отличаются от существующих «бумажных пособий». Никакого методического аппарата – важнейшей составной части любого учебного пособия – попросту нет. На диске содержатся 55 музыкальных фрагментов (некоторые из которых невозможно выключить – только вместе

⁵ Господарик Ю.П. Интернет в преподавании истории // Интернет в гуманитарном образовании / Под ред. Е.С. Полат. М., 2001. С. 184.

⁶ Мне приходилось работать с пособиями по русскому языку из серии «Репетитор», которая выпускается этой фирмой. Должен заметить, что и «Русский язык», и «Тесты по орфографии», и «Тесты по пунктуации» – великолепные пособия, помогающие не только быстро найти необходимый теоретический материал, но и основательно затвердить его. Множество подсказок, удобный интерфейс, грамотно изложенный материал – все это создало определенную репутацию фирме «1С», прославившейся, как известно, благодаря своим программным продуктам для бухгалтеров. Так что к рецензируемому диску я обратился с определенными ожиданиями – чрезмерными, как оказалось.

с программой...), 45 произвольно выбранных видеофрагментов, около тысячи фотографий, в том числе и полноцветных. Однако материал изложен бессистемно, предложенные персоналии сопровождаются слишком краткими справками. В разделе «Наука, культура, искусство» имена и факты подобраны случайно, без всякой связи с основными программами по истории. Словом, для меня так и осталось загадкой, зачем же выпущен этот диск. Как это пособие сумело добиться благос-

клонности министерских чиновников – загадка куда меньшая...

Заметим, что изучение отечественной культуры в курсе истории является вполне удовлетворительным. Ведь оно дополняется еще и курсами литературы и мировой художественной культуры. Однако новые информационные технологии пока еще скверно интегрированы в методику повседневного преподавания, хотя именно в гуманитарных курсах их преимущества были бы особенно заметными.

Трактовка политических репрессий в вузовских учебниках по советской истории

Учебников по советской истории за последнее время вышло немало¹, тем не менее потребность в хороших учебниках для студентов налицо. В ряде университетов в 90-е годы выпускались свои учебники по отечественной истории советского периода. Однако их авторы, как правило, ограничивались более или менее талантливym изложением уже устоявшихся в 90-х годах концепций. Только этим, вероятно, можно объяснить обилие зачастую далеких от совершенства учебников по советской истории, вышедших из-под пера иностранных авторов на российском книжном рынке. Чем еще, кроме дефицита толковых учебников, вызваны повторные издания давно уже устаревшей «Истории Советского Союза» Д. Боффа², повышенный интерес к «Истории Советского Союза» Д. Хоскинга³, очень хорошей для английских студентов, мало знающих о нашей стране, но не содержащей новых сведений для российского читателя? Исключением можно, пожалуй, назвать «Историю советского государства» Н. Верта⁴, выделявшуюся в 1992 году нетрадиционным изложением целого ряда сюжетов социально-экономической и политической истории.

¹ В статье речь пойдет об учебниках, полностью посвященных отечественной истории XX века. Учебники с более широкими хронологическими рамками (два и более веков) здесь рассматриваться не будут, т.к. объем таких изданий обуславливает схематизм изложения, что предельно сужает поле для анализа сформулированной в названии проблемы.

² Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1–2. М., 1990.

³ Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991 гг. М., 1994.

⁴ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Андрей Сулов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной
истории Пермского государственного
педагогического университета,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar

Зияющую брешь в доступном для студентов концептуальном освещении событий советской истории во многом закрывают второй том «Наше Отечество» (М., 1991) и сменивший его второй том «Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация» (М., 1996), двухтомник «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» (М., 1997) и некоторые другие коллективные труды. Но этого все же мало. Нужны учебники с авторской концепцией отечественной истории советского периода. К таким, пожалуй, можно отнести только «Курс советской истории» А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой⁵. Несмотря на то, что учебное пособие вызвало ряд критических замечаний⁶, появление концептуально изложенной книги для студентов можно только приветствовать. Хотелось бы, чтобы они могли изучать отечественную историю, пользуясь не одним, а несколькими концептуально разнородными пособиями⁷.

От вводных замечаний перейдем к трактовкам политических репрессий в вузовских учебниках по советской истории. Подача этого сюжета в учебниках, изданных в конце XX – начале XXI столетия, вызывает чувство недоумения. Приходится гадать, что определяет позицию тех или иных авторов: неумение найти или подать исторический материал, патологическое неприятие новых концепций или желание замолчать правду о трагических страницах нашей истории, вызванное различными причинами?

В ряде учебников изложение этой темы ограничивается лишь несколькими страницами: обойтись без дежурного упоминания о массовых репрессиях сегодня вряд ли возможно. Но, к примеру, почти нет упоминаний о послевоенном спецпоселении, хотя оно изуродовало судьбы миллионов людей. Претензии по отсутствию тех или иных сюжетов можно множить бесконечно. Так, в учебнике «История России в новейшее время»⁸ в главе «Апогей тоталитарного режима (1945–1953)» несколько страниц посвящено «закручиванию гаек» в сфере науки и культуры, несколько абзацев уделяется «ленинградскому» и «мингрельскому» делам, а о «деле врачей», которое можно назвать одним из ключевых политических дел эпохи позднего сталинизма, не упоминается совершенно. Упреки, связанные с отсутствием информации о важных для понимания репрессивной истории сюжетах, можно адресовать и к другим изданиям.

Еще хуже то, то авторы целого ряда учебников не принимают во внимание системный характер политических репрессий. Так, в учебнике Ш.М. Мунчаева и В.М. Устинова⁹ репрессиям 30-х годов отводится специальный параграф. Однако авторы подчеркивают, что репрессии не являлись «характерной чертой политической жизни лишь Советского Союза», они проводились и в царской России, и в других государствах, в том числе в США, где во время Второй мировой войны имели место депортации десятков тысяч японцев¹⁰.

⁵ Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999; Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941–1991. М., 1999.

⁶ См.: Советское прошлое: поиски понимания // Отечественная история. 2000. № 4–5.

⁷ Писать о своем учебнике «История России (1917–1997): учебник для студентов вузов» (Пермь, 1997) в данном контексте автор статьи считает некорректным, предоставляя возможность оценить этот труд другим рецензентам.

⁸ История России в новейшее время (1945–1999): Учебник для вузов / Под ред. А.Б. Безбородова. М., 1999.

⁹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История Советского государства: Учебник для вузов. М., 2002.

¹⁰ По этому поводу имеет смысл обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, депортация японцев в центральные районы США проводилась только в военное время; после окончания войны японцы обрели свободу передвижения. Во-вторых, они не принуждались к труду, подобно советским спецпоселенцам. В-третьих, Рузвельт был подвергнут жесточайшей критике за эту депортацию, которая шла вразрез с Конституцией США. Американское общество в целом осудило неконституционность этой акции.

С таким видением вряд ли можно согласиться. Политические репрессии стали одной из опор тоталитарной конструкции и выполняли системные функции: подавление реальной и потенциальной оппозиции политическому руководству, обеспечение управляемости административной системы, создание резервуара мобильной рабочей силы и т.д. Отсутствие осмысления системных функций политических репрессий искажает наше понимание сущности советского общественного строя.

Нередко представляется спорной трактовка отдельных сюжетов истории репрессий. Так, А.К. Соколов отвергает тезис об убийстве Кирова как о начале массовых репрессий, на том основании, что репрессии и ранее производились¹¹. Станным может показаться утверждение, что постановление от 1 декабря 1934 г. «было вызвано стремлением разгрузить» тюрьмы за счет расширения сферы принудительного труда». Вероятно, акцент следует ставить совсем не здесь. Думается, что постановление было направлено главным образом на упрощение механизма репрессий, уменьшение их подконтрольности со стороны общества, что позволило в дальнейшем наращивать обороты репрессивной машины.

При всей важности проведенного тем же автором анализа причин, социальной подоплеку, механизмов репрессий и т.п. с одной деталью его размышлений не хотелось бы соглашаться. Имеется ввиду утверждение о том, что никакой общей закономерности в репрессиях 1937–1938 гг. не прослеживается¹². Если мы конкретизируем наши представления о репрессиях этого времени, то увидим, что это явление распадается на множество четко направленных репрессивных кампаний, каждая из которых имела свой определенный адрес: бывшие кулаки, троцкисты,

агенты иностранных разведок (каждый раз – конкретной страны) и т.д. Инициатором всех кампаний и конструктором общего замысла, без сомнения, можно назвать Сталина. И меткое замечание А.К. Соколова о том, что инициированные сверху кампании зачастую выходили из-под контроля, совершенно не противоречит наличию закономерностей в организации репрессий, а только конкретизирует и приближает к реальности их картину.

Некоторые авторы учебников пытаются встать на путь объективизма, стараясь увидеть и достижения, и провалы советской политики. Однако вымученный конструктивизм вряд ли поможет в продвижении к объективной истине. Так, Ш.М. Мунчаев и В.М. Устинов, характеризуя коллективизацию, с одной стороны, пишут, что «обновился и расширился производственный потенциал сельского хозяйства» и «колхозы выдержали тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны». С другой стороны, они обращают внимание на то, что форсирование коллективизации и нарушение принципа материальной заинтересованности крестьянства привели к замедленному развитию советского сельского хозяйства и обострению продовольственной проблемы¹³. Спрашивается: где давно введенные в научный оборот данные о резком падении сельскохозяйственного производства вследствие коллективизации (т.е. то, что прямо противоречит словам о «расширении производственного потенциала»). И главное: ни слова об уничтожении целого социального слоя мелких производителей. О какой взвешенности и разносторонности подхода можно говорить, если в тени остается суть явления: сознательное и насильственное выдавливание политическим руководством страны потенциально оппозиционного крестьянства с помо-

¹¹ Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940... С. 197–198.

¹² Там же. С. 237.

¹³ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История Советского государства... С. 372.

щью отрыва его от земли и собственности, принудительного вовлечения в колхозы и депортаций в спецпоселки, превращения в зависимое сельское сословие, лишенное свободы передвижения.

Продолжая тему раскрестьянивания, следует отметить, что подавляющее большинство авторов по инерции использует старую терминологию, употребляя термины «раскулачивание», «кулаки» и т.п., заимствованные из большевистских партийных и ведомственных документов. Даже кавычки обычно не ставятся. К этому не стоит относиться как к семантическим мелочам. Употребляя названные термины, мы соглашаемся с коммунистическими идеологами, твердившими о том, что в 20-е годы в СССР сохранялся слой кулачества. Между тем в исторической науке даже не вызывает особых споров тезис о том, что в это время кулачества уже не было, «кулаками» называли зажиточных крестьян.

Общим недостатком большинства учебников является несоразмерное акцентирование усиления репрессий против диссидентов в 70-х – начале 80-х годов в соотношении с хрущевской «оттепелью». Действительно, в хрущевскую эпоху имело место свертывание политических репрессий; причем продвинулось удалось достаточно далеко. Однако сажали при Хрущеве на порядок больше, чем при Брежневе. И эту общую тенденцию к сокращению уголовной составляющей политических репрессий (с учетом пиков осуждения инакомыслящих в конце 70-х – начале 80-х) надо иметь в виду.

В целом анализ освещения проблемы политических репрессий в вузовских учебниках по советской истории показывает, что эта тема заслуживает более внимательного рассмотрения авторами учебников, что позволит ей занять подобающее место в вузовском курсе отечественной истории.

*«Для построения
в России правового
государства нужно
продолжать
реформировать
судебную власть»*

Интервью Ревекки Вульфович
с адвокатом Иваном Павловым

Во втором выпуске «Вестника» была опубликована статья Александра Никитина «Тринадцать судебных процессов меня многому научили», в которой он рассказывал о своем опыте отстаивания гражданских прав. В этом ему помогала сильная группа адвокатов, добившихся оправдательного приговора. Один из них, Иван Юрьевич Павлов, – победитель конкурса 2003 года по Программе имени Галины Старовойтовой в области защиты прав человека и разрешения конфликтов. Предлагаем вниманию читателя интервью с Иваном Павловым, которое незадолго до его отъезда в Институт Кеннана взяла Ревекка Вульфович, профессор, доцент кафедры государственного управления и государственной службы Северо-Западной академии госслужбы, член Совета Товарищества выпускников Института Кеннана.

– Иван Юрьевич, позвольте поздравить Вас с получением стипендии имени Галины Старовойтовой!

– Большое спасибо. Мне будет очень приятно принять участие в программе, которая носит имя Галины Васильевны Старовойтовой. Я познакомился с ней в 1994 году, когда пришел работать в коллегия адвокатов и стал заниматься

Иван Павлов,
адвокат, директор Экологического
правозащитного центра «Беллона»,
Kennan Institute Galina Starovoitova
Fellow

делами, большая часть которых имела правозащитный характер. Этим я обязан своим учителям, таким, как президент Международной коллегии адвокатов Санкт-Петербурга Артемий Котельников, который привел меня в адвокатуру, и адвокат Юрий Шмидт, познакомивший меня с правозащитным движением, особое место в котором всегда занимала Галина Старовойтова. После ее трагической гибели я входил в группу адвокатов, защищавших ее честное имя в суде от нападок в прессе со стороны ее оппонентов.

– *Какова, по Вашему мнению, роль Старовойтовой в становлении российской государственности? Актуальны ли сегодня те принципы, которые были для Галины Васильевны и ее соратников основополагающими?*

– Роль Галины Васильевны в построении фундамента правового государства в России невозможно недооценить. Главным в ее взглядах я бы назвал приоритет прав человека в политике, экономике и других сферах жизни общества. К сожалению, сейчас этот критерий в значительной степени утрачивается. На смену ему приходит приоритет безопасности государства.

– *Демократов первой волны, в том числе Галину Старовойтову и Анатолия Собчака, часто упрекают в том, что их деятельность была направлена прежде всего на слом советской системы, а то, что они создали, не обладало достаточно ярко выраженными системными признаками. По мнению их оппонентов, выдвигая на первый план права конкретной личности, они в какой-то степени разрушали системность государственного устройства, что способствовало дестабилизации политического процесса. Насколько этот упрек оправдан, и вообще насколько совместимы стремление к структурной, функциональной стабильности и приоритет прав человека?*

– Я считаю, что везде должен быть определенный баланс, в том числе между правами человека и интересами государства. В советские времена в нашей стране это равновесие было нарушено, и отнюдь не в пользу прав человека. В конце 80-х – начале 90-х годов, когда демократия в России только зарождалась, существовала огромная потребность в политиках нового типа, которые заложили бы основы государства, уважающего и защищающего права человека. И в первую очередь такой фундамент необходимо было построить на законодательном уровне, или, как принято сейчас говорить, на правовом поле. В 1993 году была принята Конституция России, ставшая основой для построения будущего правового государства. Во многом это было сделано усилиями таких политиков и общественных деятелей, как Старовойтова. Благодаря ее деятельности, сегодня мы можем сказать, что в России созданы механизмы защиты прав человека, без которых никакое государство не может называть себя правовым. Заставить эти механизмы работать – задача последователей Галины Васильевны. К сожалению, ситуация в стране крайне неустойчивая: недавно маятник качнулся в противоположную сторону, и мы видим, что происходит откат от тех принципов, которые были провозглашены на заре демократизации. Уверен, что сегодня уже было бы невозможно принятие Конституции России в том виде, в котором она была принята 10 лет назад. Механизмы защиты прав человека, созданные в «эпоху Старовойтовой и Собчака», в настоящее время работают не столь эффективно. Но я, как юрист, могу отметить, что построенные Старовойтовой и ее соратниками правовые основы новой России являются серьезной гарантией того, что тоталитарное прошлое не станет реальностью для нашей страны в будущем.

– *Какой исследовательской деятельностью Вы, практикующий адвокат, планируете заниматься в Институте Кеннана?*

– Мое будущее исследование имеет вполне конкретный профессиональный интерес. Прежде всего, я собираюсь изучить судебную систему США и провести сравнительное исследование системы военной юстиции в США и России. Помимо этого, у меня есть множество других профессиональных интересов, в частности проблемы доступа граждан к социально значимой информации и ограничения доступа к информации, в том числе составляющей государственную тайну. Все эти вопросы непосредственно связаны с моей адвокатской практикой, поскольку я являлся членом команды защитников в успешно завершившемся деле Александра Никитина и в еще продолжающемся деле Григория Пасько. Сейчас мы ведем работу с целью отмены обвинительного приговора и полной реабилитации Пасько. Направлена надзорная жалоба в Президиум Верховного суда России, Европейскому суду по правам человека в Страсбурге предстоит рассмотреть наше обращение. Кроме того, проходит множество побочных судебных процессов, например, связанных с условно-досрочным освобождением Пасько, с отказом МВД в его выезде за границу по приглашению международных организаций.

Участие в деле Пасько привело меня к необходимости глубокого анализа российской военной судебной системы, который невозможно провести без сравнения с действующими в других странах системами военных судов. На мой взгляд, это два очень похожих дела: дело капитана Никитина и дело журналиста Пасько. И два совершенно разных приговора: оправдательный – в первом случае и обвинительный – во втором. Хотя Пасько был назначен срок лишения свободы четыре года, что в три раза ниже минимального, предусмотренного Уголовным Кодексом РФ за преступление, в котором его обвиняла ФСБ. К тому же через год он освобожден условно досрочно. Однако факт остается фактом – это обвинительный приговор. И нам надо продолжать работу. Причина того, что схожие дела имеют разные результаты, на наш взгляд, кроется в том, что одно из них рассматривалось гражданским, а другое – военным судом.

Военная юстиция в советские времена была частью Министерства обороны, т.е. входила в структуру исполнительной власти. Военный суд, согласно действовавшему законодательству, выполнял указания, поступавшие от руководителей министерства. В настоящее время эта подчиненность завуалирована пеленой не совсем внятных нормативных актов. Однако связи, которые существовали в Советском Союзе между военными трибуналами и органами исполнительной власти, в том числе Министерством обороны, до сих пор сохранились, если не «деюре», то «дефакто». Меня, как юриста, интересует правовая сторона вопроса, и прежде всего – должны ли мы ликвидировать систему военных судов, или их следует сохранить, приведя в соответствие с основным принципом построения судебной власти во всех демократических странах – независимостью. Как ее обеспечить?

Обвинительный приговор Григорию Пасько вызвал большую полемику в прессе. Стало очевидно, что нарушен какой-то основной механизм работы военных судов. Но никто из политиков до сих пор не смог сформулировать это на профессиональном юридическом уровне. Отечественные сторонники военной юстиции ссылаются, в том числе, и на то, что военные суды существуют в США, что не мешает им быть демократическим государством.

Цель моей стажировки в Институте Кеннана – изучить устройство судебной власти в США, понять, какое место в ней занимает система военных судов и то, как им удастся сохранить независимость. На основе проведенного исследования будет вы-

На прессконференции: журналист Татьяна Артемова, Григорий Пасько и Иван Павлов

работан комплекс предложений по совершенствованию системы российских военных судов, который я планирую представить тем законодателям, которые заинтересованы в решении этого вопроса. Очень хочется надеяться, что мои наработки найдут практическое применение в законодательстве.

– *А ваше личное мнение – имеют ли военные суды право на существование, или их нужно ликвидировать и передать все дела судам общей юрисдикции? Если можно, поясните также, чем было вызвано то, что при всей своей схожести дело Никитина рассматривалось гражданским, а дело Пасько – военным судом?*

– Начну с последнего вопроса. На момент инкриминируемых Александру Никитину действий он не являлся военнослужащим. Только это позволило вывести его дело за рамки военной юстиции. Григорий Пасько на момент действий, инкриминируемых ему Федеральной службой безопасности, был военнослужащим, военным журналистом дальневосточной газеты «Боевая вахта», и его дело попало на рассмотрение в Тихоокеанский флотский военный суд.

Наверное, не найти в России другого гарнизона, расположенного дальше от Москвы. Насколько я помню, Дальний Восток стал последним регионом, где была установлена советская власть. Думаю, он последним от нее и отказался. И приговор военного суда – яркое тому подтверждение.

Очевидно, что без приложения дополнительных усилий экологические безобразия, о которых писал Григорий Пасько, там не прекратятся. Его журналистская деятельность привлекла внимание власти и общества к тем вопросам, которые он поднимал в своих статьях. Это было не на руку тем, кто отвечал за экологическую безопасность региона, разворовывая бюджетные средства, выделяемые на эти цели. Вместо того, чтобы устремить свои усилия на решение экологических проблем, во-

енные попытались изолировать источник информации и провели журналиста через почти пятилетний судебный марафон.

Что касается военных судов, я считаю, что их существование возможно, хотя и не обязательно. На мой взгляд, они могут создаваться на определенный срок в условиях военного времени: например, когда государство ведет боевые действия на территории другого государства или на своей территории. Причем они должны рассматривать только уголовные дела в отношении военнослужащих, обвиняющихся в совершении воинских преступлений. Все гражданские дела должны рассматриваться обычными судами, с соблюдением всех предписанных законом процедур, в гласном порядке. Гражданам должен быть гарантирован доступ к реализации прав, предусмотренных Конституцией России и уголовно-процессуальным законодательством.

В военном суде в настоящее время всем комплексом этих прав граждан не обладает. Этот орган «де факто» построен по принципу единоначалия. Председатель суда – командир для всех судей, которые в этом суде заседают. Я как-то был свидетелем того, как они буквально строем ходили к нему на доклад, вероятно, получая при этом «ценные» указания о том, как рассматривать то или иное дело. Я также был свидетелем того, как председатель суда отчитывал одного из своих подчиненных. Все это не делает чести судебной системе, которая допускает такое положение вещей, при котором судья может находиться у кого-то в подчинении.

Слева направо: писатель Александр Ткаченко, Григорий Пасько, адвокаты Иван Павлов и Анатолий Пышкин во время процесса в военном суде Тихоокеанского флота

В законе о военных судах написано, что судьей может быть только военнослужащий. Получается, что он служит не только закону, но и своему военному ведомству, подчиняется военной дисциплине. Военная служба предусматривает иерархию, единоначалие, подчиненность командованию. В этом, на мой взгляд, и заключается порок: военный судья стремится не только к совершенствованию уровня образования для улучшения качества своего труда, но и к обеспечению продвижения по службе, карьере военнослужащего, которая подразумевает повышение в звании, доплаты за звание, выплату военных пайков.

У гражданского же судьи есть только квалификационный разряд, зависящий от его квалификации и стажа судейской работы.

Таким образом, я считаю, что существующая в России система военных судов имеет серьезный порок, заключающийся в отсутствии у военных судей подлинной независимости.

– В начале нашего интервью Вы упомянули своих учителей. Есть ли преемственность в вашей работе, и что в ней Вы считаете наиболее значимым для того, чтобы содействовать соблюдению прав не только абстрактного государства, но и общества, состоящего из реальных людей?

– К сожалению, в России количество адвокатов-правозащитников очень невелико. А ведь это чрезвычайно необходимая сегодня профессия, или скорее даже призвание. Сейчас молодые юристы в основном идут в бизнес, адвокаты стараются участвовать в делах, где хорошо платят, а это опять-таки либо бизнес, либо криминал. Профессия же юриста-правозащитника не сулит больших гонораров. Если не предпринимать никаких действий, то в скором будущем в России может вовсе не стать юристов-правозащитников.

Мы пытаемся эту ситуацию изменить. В настоящее время Экологический правозащитный центр «Беллона», директором которого я являюсь, проводит проект, который называется «Школа юристов-правозащитников». Мы знакомим студентов юридических факультетов разных университетов Санкт-Петербурга с деятельностью правозащитных организаций нашего города и России в целом, обеспечиваем стажировку в этих организациях, проводим семинары, тренинги, куда приглашаем практикующих юристов, участвующих в правозащитных процессах, судей и прокуроров. Тем самым мы достигаем сразу две цели: во-первых, воспитываем молодое поколение юристов-правозащитников, а во-вторых, знакомим судей и прокуроров с тем, что представляет собой правозащитное движение России. Ведь сегодня в глазах многих судей негосударственные экологические организации, комитеты солдатских матерей и т.п. – это шпионские организации, служащие каким-то непонятным принципам и идеалам во вред государственной безопасности России. Сейчас надо вести активную деятельность с тем, чтобы разрушить этот стереотип, разъяснить чиновникам нашу позицию, вести с ними диалог.

– Что же необходимо делать для создания в нашей стране правового государства?

– «Что делать?» – извечный российский вопрос. Однако современная Россия существенно отличается от той, что была раньше.

М.Е. Салтыков-Щедрин в свое время говорил, что в России самые плохие законы, но этот недостаток компенсируется тем, что их никто не выполняет. Теперь ситуация с качеством законов изменилась – они, в своем большинстве, «хорошие»,

но, как и прежде, осталась проблема с их соблюдением. Конечно, я не могу сказать, что граждане в России более законопослушны по сравнению с чиновниками. Но думаю, что недоверие простых людей к законам своей страны обусловлено пренебрежительным отношением властей к написанному ими же самими законодательству. Отсюда и неуважение россиян к своим правам и правам своих сограждан.

У данной социальной проблемы глубокие исторические корни. Вероятно, время поможет исправить ситуацию в этой сфере. Однако не все должно отдаваться лишь власти времени. Большую роль в формировании отношения общества к законам играет система правосудия.

Надо сказать, что правосудие в любой стране является тем «местом», в котором граждане проверяют свои законы «на прочность». Это зеркало, в котором отражается деятельность не только судебной, но и двух других ветвей власти – исполнительной и законодательной. Если судебная власть работает эффективно и принимает понятные для общества решения, это стимулирует уважение граждан к власти и их законопослушное поведение. В противном случае каждый будет относиться с недоверием к декларируемому принципу верховенства права в государстве.

Поэтому для построения в России правового государства нужно продолжать реформировать судебную власть, обеспечивая ее всеми необходимыми качествами, в том числе независимостью.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ФУЛБРАЙТ-КЕННАН

Программа Фулбрайт в Российской Федерации и Институт Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона при финансовой поддержке Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США проводят открытый конкурс на получение грантов по программе Фулбрайт-Кеннан в области гуманитарных и общественных наук

Соискателями могут стать исследователи и преподаватели высших учебных заведений, академических институтов и научных центров, проработавшие по специальности не менее двух лет после защиты кандидатской диссертации. Преимущество будет отдано лицам, исследования которых посвящены актуальным общественно-политическим вопросам, способствуют развитию науки и образования в странах бывшего Советского Союза,

а также сближению мира науки и мира политики.

По этой программе Институт Кеннана сможет ежегодно принимать до *восьми* ученых из России на *шесть месяцев*. Победители конкурса должны проводить свои исследования в Институте Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия. Существует два срока заезда участников: *сентябрь и март каждого года*.

*Документы следует подавать только в офис Программы Фулбрайт.
Крайний срок подачи заявок – в октябре каждого года.*

*Более подробную информацию
можно получить по следующим адресам:*

Офис Программы Фулбрайт:
125009, Москва, Россия
ул. Тверская, 16/2, строение 3
Институт международного образования
Тел.: (095) 935-8353, факс: (095) 937-5418
E-mail: fulbright@fulbright.amc.ru

РОО «Кеннан»:
123001, Москва, Россия
а/я 90
Тел./факс: (095) 232-3496/97
E-mail: kennan@kennan.ru

СТИПЕНДИЯ ИМЕНИ ГАЛИНЫ СТАРОВОЙТОВОЙ

Институт Кеннана
Международного научного центра имени Вудро Вильсона,
Бюро по образованию и культуре
Государственного департамента США
и Посольство США в Москве
проводят открытый конкурс
на получение стипендий имени Галины Старовойтовой
в области защиты прав человека и разрешения конфликтов

Стипендия учреждена в 1999 году по инициативе госсекретаря США Мадлен Олбрайт и присуждается ученым и политикам Российской Федерации, которые успешно сочетают идеи с конкретной общественной деятельностью по защите прав человека и разрешению конфликтов, обладают выдающимися способностями и опытом работы в различных сферах, включая управленческую, общественную, профессиональную и научную.

Институт Кеннана имеет возможность присудить две стипендии на 2004/2005 академический год – одну на шесть месяцев и одну на три месяца. Победители конкурса должны проводить свои исследования в Институте Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия.

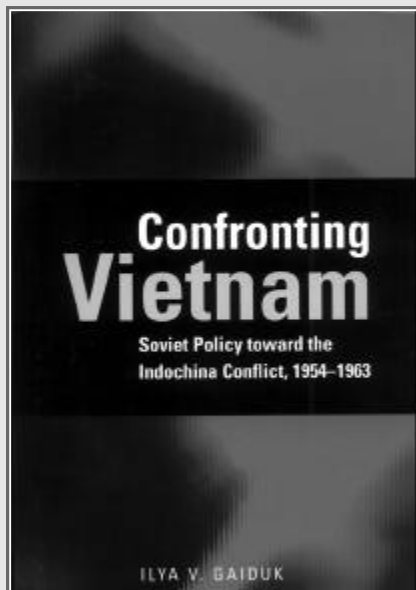
Программа осуществляется при финансовой поддержке Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США.

***Крайний срок подачи заявок – 1 апреля 2004 года.
Решение будет принято в июне 2004 года.
Программа начнется не раньше сентября 2004 года.***

Анкеты, а также более подробную информацию можно получить по адресу:

РОО «Кеннан»
Москва, ул. Волхонка, 14
5-й этаж, комн. 526
Тел. (095) 232-3496/97
E-mail: kennan@kennan.ru

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90, РОО «Кеннан»

Гайдук И.В. В борьбе с Вьетнамом:
советская политика по отношению
к конфликту в Индокитае,
1954–1963 годы.

Gaiduk I. V. *Confronting Vietnam:*
Soviet Policy toward the Indochina
Conflict, 1954–1963.
Washington, D.C.: Woodrow Wilson
Center Press.
Stanford, California: Stanford
University Press, 2003.

Уже давно в массовом сознании утвердилось представление о том, что именно Советский Союз и Китайская Народная Республика были инициаторами глобального политико-идеологического противостояния с Западом, а последний-де был вынужден реагировать на вызовы со стороны коммунистических гигантов. С легкой руки Г. Киссинджера за СССР утвердился имидж «ревизионистской» державы, а за США, противоположным полюсом биполярного мира, – державы «статус-кво».

Новая книга российского ученого И.В. Гайдук, посвященная советской политике в Индокитае на протяжении 1954–1963 гг., заставляет, однако, усомниться в истинности данного стереотипа. Эта книга стала продолжением интенсивной и весьма плодотворной работы автора в области изучения советской политики на вьетнамском направлении. Его предыдущая книга – «Советский Союз и война во Вьетнаме»¹ – получила широкую известность среди историков «холодной войны» благодаря тому тщательному и всестороннему анализу и сопоставлению материалов советских и американских архивов, который стал главной особенностью творческого метода И.В. Гайдук.

Новая книга также построена на сравнительном анализе материалов как советских архивов (МИД СССР и КПСС), так и архивов американских и британских, а также мемуаров очевидцев и участников событий вокруг Индокитая. Этот анализ недвусмысленно показывает, что в конце 1940-х годов данный регион занимал одно из последних мест на шкале внешнеполитических приоритетов Москвы, и там не имелось никаких признаков «подрывной деятельности Советов».

Общеизвестно недоверие Сталина к азиатским коммунистам (которые,

¹ Gaiduk I.V. *The Soviet Union and the Vietnam War.* Chicago: Ivan R. Dee, 1996.

с точки зрения советского диктатора, были и не коммунистами вовсе); кроме того, на начальном этапе «холодной войны» Кремль рассматривал дальневосточное направление своей политики как второстепенное. «После Второй мировой войны, как и перед войной, Сталин подчинил восточное направление советской внешней политики решению проблем на Западе», – пишет И.В. Гайдук (р. 3), и история взаимоотношений Москвы как с китайскими, так и с вьетнамскими коммунистами во второй половине 1940-х годов подтверждает этот вывод.

Ситуация, однако, начала меняться после октября 1949 года, когда китайские коммунисты взяли верх в гражданской войне против Гоминьдана. Неожиданно для Кремля у Советского Союза появился новый союзник в «холодной войне» – коммунистический Китай. При всей тогдашней слабости и отсталости КНР эта страна все-таки была великой державой, и советское руководство не могло не отреагировать на те эпохальные перемены, которые происходили у южного соседа. В Москве немедленно отбросили все сомнения в чистоте марксизма-ленинизма у китайских товарищей: уже через несколько месяцев после провозглашения КНР был подписан советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи; советская сторона предоставила китайцам беспрецедентное по своим масштабам экономическое и военно-техническое содействие; наконец, защита международных интересов коммунистического Китая стала одной из важнейших задач советской дипломатии. Особенную актуальность эта задача приобрела после начала войны в Корее (июнь 1950 года).

Именно в этой связи в Советском Союзе вспомнили о существовании Индокитая: «Прямая конфронтация между советскими союзниками – Северной Кореей и Китаем – и возглавляемым Соединенными Штатами Западом открыла Сталину глаза на значение вой-

ны в Индокитае, которая отныне стала частью общей борьбы против американского империализма и американских сателлитов» (р. 6). Укрепить позиции прокоммунистических сил в Индокитае, добиться мирного урегулирования конфликта во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, не допустить превращения этих стран в плацдарм агрессии против КНР – вот что стало целью номер один для советской политики на индокитайском направлении. При этом И.В. Гайдук справедливо отмечает вопиющее несоответствие между публичными заявлениями советских руководителей в поддержку национально-освободительных движений и антиколониальной борьбы и весьма ограниченной материальной помощью, которую Москва на деле оказывала на рубеже 1940–1950-х годов этим движениям (р. 11).

Провал попыток северокорейского режима добиться вооруженным путем объединения Кореи заставил советское послесталинское руководство еще более осторожно относиться к перспективам прокоммунистических сил на Дальнем Востоке. «Новое коллективное руководство в Советском Союзе не стало колебаться, принеся полную победу Вьетмина (вьетнамских коммунистов – В.Б.) в жертву улучшению отношений с западными странами, – отмечает автор в этой связи. – Советские лидеры рассматривали войну в Индокитае как препятствие для этой новой политики, и они были готовы к поиску компромисса, с тем чтобы урегулировать конфликт, который нес угрозу всеобщей войны» (р. 11).

Следует отметить, что не только СССР, но и другие великие державы исходили из того, что конфликт в Индокитае затянулся, и необходимо мирное решение. Так, к 1954 году в Лондоне были твердо уверены в необходимости скорейшего мирного урегулирования: неконтролируемая эскалация конфликта угрожала британским интересам в Индии, Бирме и Малайе. Вели-

кобритании была нужна некоммунистическая буферная зона в виде Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, которая отделяла бы страны Британского Содружества от коммунистических режимов, и поэтому раздел Вьетнама, с английской точки зрения, был бы наилучшим вариантом (р. 25).

После сокрушительного поражения французских войск под Дьенбьенфу (май 1954 года) в Париже также начали склоняться к мирному решению индокитайской проблемы. Новый французский премьер П. Мендес-Франс твердо обещал, что соглашение по Индокитаю будет достигнуто через четыре недели после его прихода к власти (т.е. к 20 июля 1954 года). При этом правительство Мендес-Франса исходило из того, что раздел Вьетнама на северный (коммунистический) и южный (некоммунистический) будет лучшим решением проблемы (р. 43).

Наконец, в Пекине также считали раздел Вьетнама и нейтрализацию Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама наилучшим вариантом урегулирования ситуации в Индокитае (рр. 42, 48).

Таким образом, в ходе Женевской конференции министров иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании, Франции, а также других заинтересованных государств по мирному урегулированию в Корее и Индокитае (26 апреля – 21 июля 1954 года) был фактически оформлен, выражаясь языком коммунистической пропаганды, «империалистический сговор» четырех старых колониальных держав – России, Англии, Франции и Китая – по разделу сфер влияния в Индокитае. При этом, как убедительно показывает И.В. Гайдук, не имело равным счетом никакого значения, что некоторые из присутствовавших в Женеве дипломатов называли себя коммунистами: В.М. Молотов и Чжоу Эньлай сумели быстро найти общий язык с такими «акулами империализма», как Э. Иден и П. Мендес-Франс. И этот общий язык был языком классической дипломатии XIX века

с такими понятиями, как «буферные зоны», «сферы влияния», «жизненно важные интересы» и т.п.

По нашему мнению, вторая и третья главы, посвященные подготовке и проведению Женевской конференции, являются лучшими в книге. Это, по сути дела, пособие для начинающих дипломатов, как надо готовить и проводить многосторонние международные форумы. Действия советской дипломатии накануне и в ходе конференции, подробно описанные в книге, представляются совершенно безупречными. Во-первых, МИД СССР добился предварительного согласования с КНР и ДРВ общей позиции на предстоящей конференции, и на всем ее протяжении советская делегация поддерживала самые тесные связи и контакты с делегациями своих союзников. Во-вторых, Москве удалось наладить взаимопонимание с Лондоном и Парижем, которые, как уже было сказано, также были заинтересованы в мирном урегулировании в Индокитае. Наконец, советской дипломатии удалось добиться полной изоляции Соединенных Штатов в Женеве, и досрочный отъезд с конференции государственного секретаря США Дж.Ф. Даллеса стал, бесспорно, свидетельством полного дипломатического фиаско Вашингтона с его непримиримой антикоммунистической позицией.

Особо следует сказать об оценке работы, проделанной в ходе конференции тогдашним министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. На основе анализа советских, американских, британских и французских дипломатических документов И.В. Гайдук приходит к выводу, что это был, бесспорно, его звездный час. В ходе Женевской конференции человек, известный всему миру как «мистер “нет”» и «каменная задница», проявил себя настоящим мастером дипломатического искусства (р. 52).

В целом Женевская конференция стала большой внешнеполитической победой Москвы: «Во-первых, в Советском Союзе хорошо понимали, что кризис

в Юго-Восточной Азии может перерасти в мировой конфликт с непредсказуемыми последствиями. Женевские соглашения отодвинули эту опасность, по крайней мере, на время. Москва поддержала своих вьетнамских союзников и обеспечила Хо Ши Мину территорию, которая могла стать ядром нового коммунистического государства в Азии, тесно связанного с социалистическим содружеством. СССР также вывел из изоляции другого своего союзника, коммунистический Китай, и ввел Пекин в клуб великих держав, увеличив тем самым внешнеполитические возможности КНР» (р. 51).

Увы, уже через несколько лет после окончания Женевской конференции все ее позитивные (с советской точки зрения) итоги были сведены на нет. Автор указывает на следующие причины нового витка напряженности в регионе. Во-первых, рост американского присутствия (в том числе и военного). Создание Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) под руководством США и включение в зону ответственности этого военного блока Камбоджи, Лаоса и Вьетнама (8 сентября 1954 года) было воспринято в Москве как попытка американцев взять реванш за дипломатическое фиаско в Женеве (р. 67). Со все возрастающим беспокойством в Москве следили за расширением американского военного присутствия в странах Индокитая на рубеже 1950–1960-х годов. Так, например, в 1960 году, еще при президенте Д. Эйзенхауэре, количество американских военных советников в Южном Вьетнаме удвоилось (р. 112); а новая администрация Дж. Ф. Кеннеди резко активизировала военное, политическое и экономическое присутствие США в этой стране (р. 183). Говоря о соображениях, которыми руководствовалась американская сторона в своих подходах к Индокитаю, И.В. Гайдук указывает прежде всего на идеологические мотивы: «Администрация Эйзенхауэра... оставила Кеннеди в наследство пред-

ставление об Индокитае в терминах теории домино: падение любой страны перед коммунистами неизбежно приведет к краху во всем регионе и потере там влияния США... Неудивительно поэтому, что Кеннеди не мог допустить потери Южного Вьетнама, особенно после того, как он потерпел унижающее поражение в результате провала вторжения на Кубу и согласился с нейтрализацией Лаоса, которая была расценена американскими консерваторами как ничем не оправданная уступка коммунистам» (рр. 181–182).

Во-вторых, распад советско-китайского союза также не мог не сказаться на советской политике в отношении Индокитая и всего региона Юго-Восточной Азии. Если в первой половине 1950-х годов Советский Союз мог рассчитывать на действенную помощь со стороны КНР в своей политике в данном регионе в рамках доктрины «распределения обязанностей» (р. 57), то в результате роста разногласий между двумя коммунистическими гигантами во второй половине десятилетия возникла вполне реальная перспектива полной потери советского влияния в Индокитае. Автор указывает на идеологические причины великой схизмы в коммунистическом мире: «Со своей стороны, Мао Цзедун чувствовал себя равным, если не старшим, по отношению к новому советскому лидеру благодаря своему большому опыту пребывания на вершине коммунистической иерархии... Хрущев же, идя на уступки по некоторым вопросам китайско-советского сотрудничества, был совершенно не готов идти на компромисс по вопросу о том, что Советский Союз является “авангардом мирового коммунистического движения” и “первой страной победившего социализма”, чье предназначение – служить примером для всех других народов, которые пойдут по тому же пути» (р. 99).

И.В. Гайдук сумел очень хорошо показать, как на протяжении конца 1950-х – начала 1960-х годов советская политика

в Индокитае все дальше эволюционировала от Женевского компромисса в направлении «классовой солидарности» и «помощи национально-освободительным движениям». Окончательный поворот в этой политике произошел уже после событий в Тонкинском заливе (август 1964 года) (р. 204), когда в Москве стало ясно, что политика в духе Женевской конференции 1954 года будет означать полное вытеснение Советского Союза из Юго-Восточной Азии (подобно тому, как это произошло с Англией и Францией).

Таким образом, оказавшись между молотом китайского левацкого экстремизма и наковальной американского либертарианства, советская политика (по крайней мере, на индокитайском направлении), в свою очередь, также реидеологизировалась. Отсюда – неоднократно отмеченный людьми, причастными к процессу выработки советской внешней политики во второй половине 1960-х годов, «комплекс ре-

волюционной неполноценности», испытываемый многими советскими руководителями того времени. Стремясь успокоить свою больную классовую совесть и доказать всем, особенно китайцам, свою «р-р-революционность», Кремль неуклонно увеличивал военную помощь «национально-освободительным движениям»².

Поэтому, на наш взгляд, к числу особых достоинств превосходной книги В.И. Гайдука следует отнести подробный анализ функционирования механизма идеологической взаимоиндукции великих держав – на примере китайско-советско-американского противостояния в Индокитае в 1954–1963 годах.

Владимир Батюк,
заместитель директора Центра изучения
трансатлантической безопасности
Института США и Канады РАН,
Former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

² См., напр., *Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. С. 188–189.*

Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях

Отношение Вудро Вильсона к России представляет большой исследовательский интерес, поскольку именно ему принадлежит авторство стратегии «карантина» в отношении коммунизма. Дэвид Ллойд Джордж называл это стратегией «кольцевого ограждения», а Джордж Ф. Кеннан – стратегией «сдерживания». Очевидно, что исторический отрезок между Первой и Второй мировыми войнами существенно отличается от периода, наступившего после Второй мировой войны. В 1920-е годы мир еще не знал, что такое глобальное биполярное противостояние, характерное для эпохи ракетно-ядерного вооружения, наступившей во второй половине XX века. Политика Вильсона, тем не менее, придала интеллектуальную обоснованность стратегии «холодной войны», проводимой начиная с администрации Гарри Трумена вплоть до президентства Рональда Рейгана. Между «карантином» Вильсона, «сдерживанием» Кеннана и последующим крахом СССР прослеживается прямая связь. Следовательно, Вильсона можно по праву считать первым бойцом «холодной войны», поскольку она началась именно в период пребывания у власти его администрации.

Еще полвека назад историк дипломатии Вильям Аппельман Уильямс (William Appleman Williams) указал на эту связь в своей весьма дискуссионной книге «Американо-российские отношения, 1781–1947 годы». Он утверждал, что Вильсон осознавал угрозу распространения большевистской идеологии и предпринял против нее «крестовый поход». В настоящее время появилось

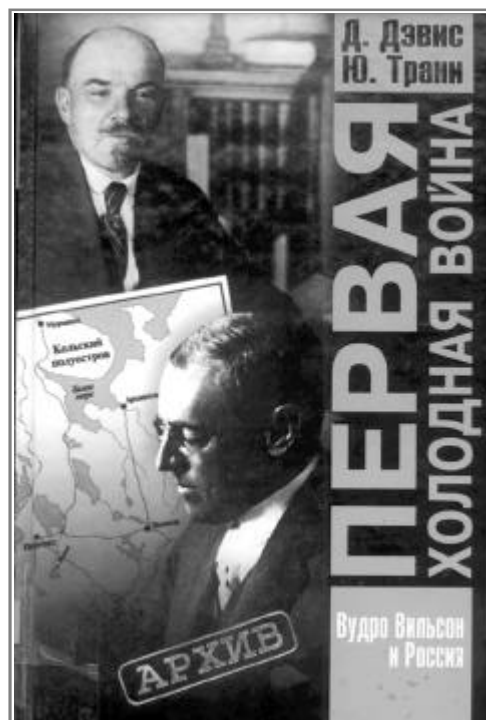
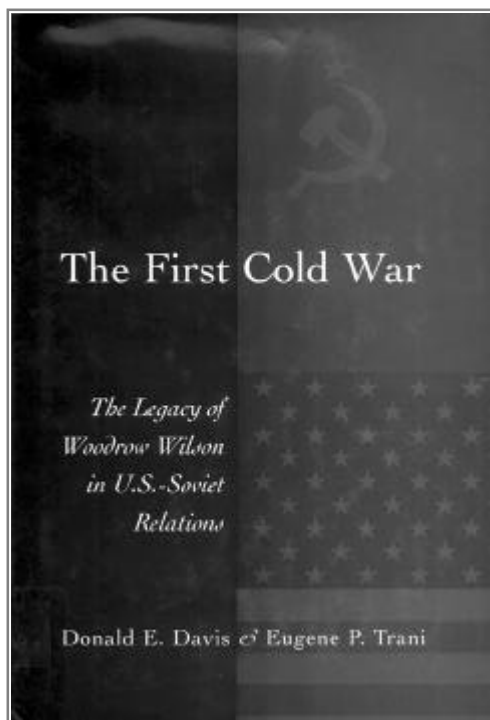
Дональд Дэвис, профессор истории, Университет штата Иллинойс, г. Нормал

Юджин Трани, президент Университета Содружества Вирджинии

множество новых архивных источников, которые позволили нам не только подвергнуть проверке выводы Уильямса, но и развить их до книги «Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях». В целях сдерживания и уничтожения коммунизма Вильсон прибегал к пропаганде, мошенничеству, шпионажу, прямой военной интервенции и дипломатическому карантину. На Парижской мирной конференции Вильсон выступил с тремя дополнительными предложениями: провести мирную конференцию на Принцевых островах, пригласив туда представителей «красных» и «белых»; для прекращения огня отправить в Россию миссию Буллита; осуществить план Нансена по оказанию продовольственной помощи России. Целями каждой из этих инициатив были достижение статус-кво в России и,

тем самым, оказание поддержки белому движению. Все инициативы провалились. Затем Вильсон сделал ставку на Омское правительство адмирала Колчака и выделил ему кредиты. Правительство Колчака пало. Раздраженный непримиримостью большевиков Вильсон бичевал режим Ленина во время своего турне по западным штатам, предпринятого осенью 1919 года с целью пропаганды договора о создании Лиги наций. Перенесенный президентом инсульт заставил его отойти от активных действий, однако к лету 1920 года здоровье его несколько улучшилось, и 9 августа появилась нота Колби, в которой говорилось, что Америка отказывается признавать Советскую Россию до тех пор, пока та не станет придерживаться международных правовых норм. И, наконец, в 1923 году в «Атлантик Мансли» появилась статья Вильсона, в которой он

Davis D. E., Trani E. P. *The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations*. Columbia, MO: University of Missouri Press, 2002. 330 p.

Дэвис Д., Трани Ю. *Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях*. Перевод с английского. М.: Олма-пресс, 2002. 480 с.

утверждал, что важнейшая задача демократии – спасение цивилизации от большевизма.

Начиная с Уильямса, историография «российского» наследия Вильсона занимала многих исследователей. Так, Кеннан, осмысливая американскую интервенцию, пришел к выводу, что Вильсон послал американских пехотинцев на север России только под давлением Франции и Великобритании, а в Сибирь – из-за необходимости спасти чехословацкий корпус. Он защищал Вильсона от нападок сталинской пропаганды, которая обвиняла Америку в проведении агрессивной внешней политики по отношению к России. Другие исследователи оспаривали утверждения Уильямса, а также советских историков, доказывая, что шаги Вильсона объяснялись его стремлением не допустить захвата Сибири японцами. Некоторые считали, что действия президента были вызваны стремлением положить конец интригам немцев в России. А кое-кто утверждал, что Вильсон просто пытался защитить право ее граждан на самоопределение и суверенитет. Однако в этих исторических дебатах, как правило, не ставилась под сомнение верность Вильсона своим излюбленным идеологическим принципам. Помимо Кеннана, наиболее яркими сторонниками политики президента были Бетти Миллер Унтербергер (Betty Miller Unterberger), Кристофер Лэш (Christopher Lasch) и Гордон Левин-младший (Gordon Levin, Jr.). Лишь Уильямс подверг сомнению мотивировку действий Вильсона. В 1990-х годах Дэвид Фоглсонг (David Foglesong) и Дэвид Макфадден (David McFadden) заложили основы ревизионистской школы в историографии, придерживавшейся точки зрения Уильямса.

В этой связи возникла необходимость исследования того, лежали ли в основе действий Вильсона в России исключительно его антикоммунистические взгляды, или же он просто испытывал Россию на своем знаменитом «пробном камне» путем распространения на нее

принципов международной доброй воли и права на самоопределение и территориальную целостность? Предстояло рассмотреть четыре аспекта темы:

1) степень подготовленности Вильсона к решению проблем, связанных с Россией;

2) колебания президента в выборе кандидатуры на пост американского посла в России;

3) «упущенная возможность» Вильсона в деле сохранения Временного правительства;

4) растущее осознание Вильсоном большевистской угрозы и избранные им средства в борьбе против нее.

1. Степень подготовленности Вильсона к решению проблем, связанных с Россией, была явно недостаточной. В свою бытность президентом Принстонского университета и профессором юриспруденции Вильсон прочел пару лекций, посвященных российскому самодержавию, а став губернатором штата Нью-Джерси, выступил в Карнеги-холл с антироссийской речью, в которой большое место уделено проблеме выдачи паспортов, дававших право на въезд в Россию, американским евреям, а также высказался за отмену торгового договора с Россией 1832 года. В 1880 году он писал, что в Европе происходит отказ от деспотических режимов, подобных российскому, или идет борьба за их ограничение. В 1887 году Вильсон отмечал, что придет время, когда в России будет править общественное мнение, и отзывался о российском автократическом правительстве как о противоестественном явлении, полагая, что в то время, как узы дружбы возможны между Великобританией и Соединенными Штатами, между столь разными государствами, как Америка и Россия, это практически нереально. В 1904 году Вильсон откликнулся на новость о возможном заключении мира между Россией и Японией, назвав это «амброзией», и сформулировал проблему «абсолютизм – власть в России» как предмет для последующего анализа.

В 1911 году он набросал заметки к речи в Карнеги-холл «Дело против России» в поддержку американских евреев, которые требовали равноправия с другими американцами в подходе к ним российского правительства. Юрий П. Бахметев, в то время посол России в США, отзывался о Вильсоне как об «опасном радикале, обуреваемом фантастическими идеями».

2. Вторая тема связана с 16 месяцами проволочек с назначением американского посла в Петербург. На утверждение в сенат была направлена кандидатура газетного издателя из Пеории Генри М. Пиндела, и сенат одобрил ее. Буквально на следующий день Пинделл был вынужден устраниваться ввиду скандальной репутации его кандидатуры. Затем Вильсон прочил на этот пост Чарльза Р. Крейна, русофила и водопроводного магната, но тот отклонил предложение президента. В июле 1914 года он останавливает свой выбор на кандидатуре банкира из Сан-Франциско Джорджа К. Мэри, который, однако, проявил полную некомпетентность и был отправлен в отставку в январе 1916 года. В конце концов, после трех неудачных попыток Вильсон предложил этот пост Дэвиду Р. Фрэнсису, занимавшему ранее посты мэра города Сент-Луис, губернатора штата Миссури и министра внутренних дел во второй администрации Кливленда. Фрэнсис дал свое согласие.

Он был достаточно умным и энергичным человеком, но не имел соответствующей подготовки. Был момент, когда англичане и французы предъявили ему обвинение в укрывательстве на территории посольства в Петрограде немецкой шпионки, некоей Матильды де Крам, которая давала Фрэнсису уроки французского языка. Британский представитель Брюс Локкарт сетовал на то, что Фрэнсис не в состоянии отличить эсера от картофеля. Несмотря на то, что Фрэнсис мог бы служить воплощением самодовольного бизнесмена-праг-

матика Бэббита, персонажа из романа американского писателя Синклера Льюиса, он первым призвал Вильсона признать Временное правительство. Фрэнсис, в отличие от многих находившихся в то время в Петрограде американцев, понял суть вильсоновской молчаливой политики «ничего неделания» или «наблюдения и выжидания», рассчитанной на то, что большевистский режим либо падет сам, либо будет свергнут. Фрэнсис даже нашел в себе смелость отчитать самого Ленина, тем самым сохранив жизнь румынскому послу графу Константину Диаманди. В то время президент практически бездействовал. Все зависело от профессиональных способностей американских послов в России: уходящий с поста Кертис Гилд не обладал дипломатическим талантом, ставка на Пиндела и Мэри обернулась провалом, поэтому оставался только Фрэнсис. Обнадеживало то, что президент внял совету Фрэнсиса и признал Временное правительство.

3. «Упущенная возможность» Вильсона заключалась в том, что он почти ничего не сделал, чтобы спасти Временное правительство, так как следовал политике «не будет войны – не будет займа». Трудно сказать, насколько жизнеспособным могло бы оказаться Временное правительство, получи оно своевременно необходимые средства от союзников, особенно от США. Кеннан подсчитал, что к ноябрю 1917 года Соединенные Штаты предоставили Временному правительству кредитов на сумму в 325 млн долл., из которых было израсходовано лишь 187 792 750 долл. По подсчетам Бориса А. Бахметьева, посла Временного правительства в Вашингтоне, за период с июля по ноябрь 1917 года было израсходовано 191,5 млн долл. Президент верил, что Временное правительство можно спасти, прибегнув к относительно дешевому средству – массивной информационно-пропагандистской кампании. Первоначально этот план был предло-

жен миссией Рута, а его выполнение выпало на долю Комитета общественной информации (СОРПУВ), возглавляемого Джорджем Крилом и представителем этого комитета в России Эдгаром Сиссоном. Госсекретарь Роберт Лансинг выступал с критикой деятельности миссий, направленных Вильсоном в Россию: миссии Рута, проповедовавшей демократию и убеждавшей русских продолжать войну с немцами, и комиссии Стивена по реорганизации железных дорог, особенно Транссибирской железной дороги. Обе миссии были отправлены в Россию со значительным опозданием и мало что могли предложить.

Спустя некоторое время Вильсон, узнав, что Уильям Бойс Томпсон, глава миссии Красного Креста, выложил из собственного кармана миллион долларов на пропагандистскую кампанию эсеров, так прокомментировал этот поступок: «... тратить деньги на пропаганду в России – все равно что бросать доллары в бездонную пропасть». Финансист Томас Ламонт вспоминал, что Вильсон «не желал говорить с теми, кто выбросил зря миллион долларов...» Назначение двух миссий, обе из которых провалились, в то же время свидетельствует о недоверии президента Фрэнсису. Отсутствие необходимых ресурсов, в первую очередь своевременной финансовой, технической и военной помощи, способствовало падению Временного правительства. Имело место непонимание вероятности близкого краха России и того, что это может привести к победе Германии на западном фронте. Два человека в Петрограде пытались предотвратить гибель России – глава военной миссии генерал Уильям В. Джадсон и преемник Томпсона на посту главы миссии Красного Креста в России Реймонд Робинс. Оба хотели пойти на определенные сделки с Лениным и Троцким и не допустить выхода России из войны, а Вильсон и Лансинг им это категорически запретили. Доверенное лицо президента полковник Эд-

вард М. Хауз также искал способы удерживать Россию от выхода из войны.

4. Упоминание о полковнике Хаузе подводит нас к четвертой теме – все большему осознанию Вильсоном большевистской угрозы и поискам способов защититься от нее. Являясь незаменимым советником президента Вильсона по вопросам Западной Европы, Хауз играл также важную роль на определенных этапах формирования политики в отношении России. Последовательный геополитик, Хауз отчетливо осознавал значение России на восточном театре войны и поэтому склонялся к поиску компромиссных решений. Впервые это проявилось, когда Хауз выступил в поддержку ответа союзников на требование Троцкого о признании и перемирии. Ответ Хауза, совпадавший с мнением сэра Джорджа Бьюкенена, посла Великобритании в Петрограде, а также с предложениями американского журналиста Артура Балларда, сводился к тому, что признать можно только демократически избранное российское правительство, каковым большевистское правительство очевидно не являлось.

Полковник Хауз выступал против всего, что могло толкнуть большевиков в объятия немцев. Он ратовал за расширение пропагандистской кампании, первоначально предложенной миссией Рута и поддержанной Крилом и Сиссоном, и предлагал обратиться непосредственно к русскому народу через головы большевиков. Это обращение было зафиксировано в пункте 6 знаменитой речи Вильсона «Четырнадцать пунктов», с которой президент выступил 8 января 1918 года. Оно гарантировало ведение честной игры со стороны союзников и в то же время являлось знаменитым «пробным камнем» вильсоновской политики в отношении России: ей предоставлялось право на самоопределение и территориальную целостность, что должно было предотвратить заключение навязываемого Германией Брест-

Литовского мирного договора, который в итоге все же был подписан большевиками 3 марта 1918 года. Инициатива, предложенная Вильсоном в пункте 6, провалилась, однако и Дзадсон, и особенно Робинс попытались получить разрешение Вильсона на достижение сделки с Лениным, с тем чтобы хотя бы добиться от России обещания придерживаться вооруженного нейтралитета в Первой мировой войне. Робинс считал, что ему это почти удалось, и провал этой инициативы объяснял проблемами в системе связи.

Полковник Хауз в очередной раз выходит на арену русской истории на Парижской мирной конференции, радуя за направление в Россию миссии Буллита. Буллит был послан в Москву в марте 1919 года со сверхсекретной миссией с целью прозондировать у Ленина вопрос о возможности урегулирования ситуации при сохранении сложившегося статус-кво. Просочившаяся в прессу информация (возможно, ее утечку организовал Хауз с целью проверки реакции общественности на попытки достижения мира с Лениным) способствовала провалу этой миссии. В приступе гнева Буллит вышел из состава мирной комиссии и заявил представителям прессы, что отправляется на Ривьеру понежиться на песочке, наблюдая, как мир катится в тартарары. Впоследствии он выступал с резкой критикой Вильсона.

Политика президента в отношении России становилась все более зрелой и уже не укладывалась в рамки примитивного антикоммунизма Лансинга и инспирированной Хаузом тактики «пробного камня». В начале декабря 1917 года Лансинг осознал идеологическую опасность большевизма и понял, что с этим надо что-то делать. Он вовлек Вильсона в сомнительную аферу, инициированную французами и англичанами, с целью превращения генерала А.М. Каледина в своеобразного русского Цезаря. План провалился, когда в 1918 году несостоявшийся Цезарь по-

кончил жизнь самоубийством. Лансинг предлагал поддержать любую военную диктатуру, способную свергнуть большевизм, восстановить порядок и продолжить войну. Он подготовил конфиденциальный меморандум, в котором утверждал, что признание России лишь воодушевит большевиков и их последователей в других странах. Он советовал оставить «этих опасных идеалистов в покое», поскольку предоставленные сами себе большевики сами себя и погубят. Подобную политику невмешательства Лансинг называл «логикой развития событий». Тридцать лет спустя Кеннан трансформировал пассивную политику «логики развития событий» в стратегию активного «бдительного сдерживания».

Окончательная точка зрения президента на то, как быть с коммунизмом, была более взвешенной и продуманной, чем у Лансинга, и ее формулирование потребовало больше времени. На самом деле, вначале Вильсон придерживался выжидательной политики, но «логике развития событий» Лансинга требовался определенный толчок. Вильсон готов был на это пойти при условии, что первоочередная задача – победа в Первой мировой войне – останется неизменной. Когда Англия и Франция стали оказывать на него давление в пользу интервенции, он весьма неохотно согласился на эту меру, и только на своих очень жестких условиях. В то же время Вильсон стремился не допустить «хозяйничанья» в Сибири японцев, действовавших по мандату союзных держав. Он также стремился помочь чехословацкому корпусу благополучно покинуть Россию. Вильсон готов был приветствовать падение большевизма на любом этапе интервенции, в котором принимала участие Америка, будь то действие войск на севере или востоке.

После победы союзников над Германией в ноябре 1918 года Вильсон хотел предоставить адмиралу Колчаку шанс сохранить Сибирь свободной как от большевиков, так и от японцев. Крайне

представительная миссия, посланная Вильсоном в Омск, в состав которой входил Роланд Моррис, посол США в Японии, и генерал Уильям С. Грейвз, глава Американского экспедиционного корпуса в Сибири (AEFS), пришла к выводу, что у Колчака нет никаких шансов, если США не пришлют на замену чехословацкому корпусу хотя бы 25 тыс. солдат и не выделят Колчаку кредит в размере 200 млн долл. Конгресс агитировал за возвращение американских пехотинцев назад в Соединенные Штаты. Весной 1919 года американских войск на севере России уже не было. Они еще оставались в Сибири, поскольку в начале 1920 года им предстояло обеспечить эвакуацию чехословацкого корпуса. Незадолго до этого чехи, следуя советам Мориса Жанена, главы французской военной миссии в Сибири, сдали Колчака эсерам, а те – большевикам. Седьмого февраля 1920 года Колчака расстреляли. В конце 1919 года Лансинг и Вильсон наконец-то урегулировали вопрос об эвакуации американских войск из Сибири. К концу мая 1920 года Грейвз отправил свой последний отчет относительно Американского экспедиционного корпуса.

Перед этим, в начале сентября 1919 года, Вильсон не только согласился с выводами Лансинга, но и пошел дальше. Он отстаивал эти взгляды во время своей поездки по западным штатам, которую предпринял с целью поддержать договор о создании Лиги наций. Вильсон называл большевиков эгоистами, жестокими и безжалостными людьми, подчеркивая, что горстка людей управляет массами и насильно подчиняет своей воле миллионы людей. «Быть учеником Ленина, – говорил Вильсон, – значит быть учеником тьмы, хаоса и беспорядка». Несмотря на перенесенный в октябре 1919 года инсульт, к августу 1920 года Вильсон совместно с госсекретарем Бейнбриджем Колби подготовил ноту о непризнании России. В ней говорилось: «Существующий в России режим базируется на отрица-

нии любых принципов, на которых возможно построение гармоничных и доверительных отношений как между странами, так и между отдельными людьми». Из ноты Колби следовало, что поскольку отсутствуют чувства доверительности, веры или уважения, то не может идти речь о признании. Так началась первая «холодная война».

Вильсон понял, что Россией управляет меньшинство, одержимое весьма опасной идеологией. Это меньшинство не следует отождествлять с народом. Позднее Кеннан говорил, что нельзя судить о русском народе по коммунистической элите. Вильсон считал, что интервенция бесполезна. Кеннан пришел точно к такому же выводу. Политика сдерживания не преследовала цель обрести военные очертания, разве что в самом крайнем случае. Речь шла о «политическом сдерживании политической угрозы». Для Кеннана, как и для Вильсона, основным принципом американской дипломатии в отношении России было «долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание». Замечание Кеннана о том, что марксистская идеология является «туманной, призрачной и непрактичной» созвучно высказыванию Вильсона, в котором он назвал большевиков «пустыми фантазерами», или словам Лансинга, считавшего большевиков «опасными идеалистами». Кеннан, как и его предшественники Вильсон и Лансинг, отмечал, что советская власть «взращивает в себе семена собственной гибели, и время их прорастания неумолимо приближается». Хотя журналист Уолтер Липпман выступал против политики сдерживания, считая ее «идеологическим крестовым походом», и подверг критике позицию Кеннана, тем не менее история показала, что именно рассуждения последнего оказались наиболее верными. Таким образом, можно говорить о том, что в 1920 году президент Вильсон был очень близок к тем выводам, которые сделал Кеннан после Второй мировой войны.

После своих первых высказываний о России, противоречивых пробных шагов на посту президента, упущенных возможностей в отношении Временного правительства, различных пропагандистских уловок, интервенции, неудачи на Парижской конференции Вильсон проделал большой путь. Благодаря 33 речам, произнесенным во время турне по западным штатам, ноте Колби, статье в журнале «Атлантик Мансли» президент Вильсон по праву заслужил звание первого в мире бойца «холодной войны», поглощенного идеей защиты западной цивилизации от коммунистического тоталитаризма. В 1991 году триада Вильсона «мир – демократия – свободный рынок» наконец восторжествовала.

Работая над книгой «Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях», авторы отметили, что еще до начала кампании непризнания, в Америке наблюдался скрытый рост русофобии. Начиная со времени подписания торгового соглашения 1832 года, существовал некий разумный баланс в отношениях между двумя странами: состоялся визит российского флота в Сан-Франциско и Нью-Йорк, произошло приобретение Америкой Аляски. Проведенное в 1885 году Джорджем Кеннаном-старшим исследование сибирской ссыльной систе-

мы, его последующие статьи в «Сенчури Мэгэзин» и, наконец, появление его книги «Сибирь и ссылка», опубликованной в 1891 году «Сенчури Компани», внесли свою лепту в формирование негативного общественного мнения американцев о России, которое проследовало на протяжении всего XX века. В том же 1891 году «Сенчури Компани» публикует книгу В.В. Рокхилла «Страна лам», а в 1894 году Смитсоновский институт издает дневники Рокхилла «Дневник о путешествии через Монголию и Тибет, 1891–1892 годы». Эти книги были проникнуты благоговением перед материковой Азией, особенно Китаем и китайской цивилизацией. Подобно тому, как труды Кеннана-старшего способствовали зарождению и росту русофобии, книги Рокхилла свидетельствовали о начале новой эпохи – эпохи синофилии. Важно, что, помимо книг, Рокхилл через госсекретаря Джона Хэя, на которого он имел большое влияние, успешно помог формированию политики «открытых дверей». Русофобия и синофилия оказали воздействие на государственную политику Соединенных Штатов XX века. В своей новой книге, над которой в настоящее время работают авторы, они намерены проанализировать то, как восприятие американским обществом Китая и России повлияло на формирование внешней политики США в XX веке.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Тема пятого выпуска «Вестника» (весна 2004): «Самоидентификация личности и востребованность художника в XX веке»

Планируется публикация статьи кинорежиссера **Евгения Цымбала** о творческой судьбе братьев Кауфманов. В 2003 году Е. Цымбал стал лауреатом XVI национальной кинопремии «Ника» за документальный фильм «Дзига и его братья».

Поиски идентичности – одна из вечных проблем, стоящих перед индивидом, важнейшая часть механизма социализации личности. Не случайно им уделяется такое внимание в современной науке. Но если для обычного человека поиски идентичности в основном заканчиваются с достижением социальной зрелости, для художника, композитора, писателя, режиссера, да и вообще для творческой личности, процесс поиска идентичности продолжается всю жизнь.

Творцы (будем их называть менее пафосно – «художники») вне зависимости от сферы их творчества, всю свою жизнь анализируют общепринятое и привычное, пытаются создать новое и оригинальное. Они постоянно преодолевают собственные взгляды, оценки, методы, ищут новые способы и навыки самовыражения. В случае совпадения их инспираций со смутными, не осознанными ожиданиями общества они открывают нечто новое, удивляют современников, пожинают успех и славу. Художники становятся кумирами публики, бывают обласканы и щедро награждены властью.

Но это новое и неожиданное спустя какое-то время становится общепринятым, превращаясь в часть культурного багажа следующих поколений, в неотъемлемую часть их личности, элемент коллективного бессознательного, важную составляющую их идентификации.

Сами художники в своем развитии идут дальше. Они проходят сложную эволюцию, изменяя себя и свой мир, претерпевая удивительные метаморфозы. Именно поэтому их отношения с внешним миром столь уникальны и сложны. Успех и слава далеко не всегда сопутствуют художникам. И дело тут не в масштабе и качестве таланта. Очень часто их творческая установка, их идентификация не совпадает с тем, чего от них ждет общество. Художник (осознанно или неосознанно) далеко не всегда создает то, что нравится поклонникам или же оказывается востребовано государством и властью. Вчерашних кумиров ждет забвение поклонников и нищета. Они особенно трагично переживают происшедшее, обвиняя время и публику в косности и непонимании.

Бывает и так, что за весь жизненный путь художнику не удается достичь успеха и славы. Итог – несостоявшиеся надежды, разбитая жизнь. Таких случаев гораздо больше, нежели успешных и счастливых судеб. Само по себе творчество – занятие неудобное для окружающих, не очень престижное и далеко не всегда уважаемое. Творчество чаще всего трагично по своей сути, поскольку художники постоянно и остро ощущают то, что великий поэт Иосиф Бродский называл «вульгарностью человеческого сердца».

Но, тем не менее, в каждом поколении вновь и вновь появляются люди, желающие пройти по этому трудному и неверному пути. В начале XX века на этот путь вступили три брата из польского города Белостока...

Редакция приглашает авторов к обсуждению этой темы на страницах «Вестника» и будет признательна всем, кто пришлет статьи по указанной проблематике до 26 января 2004 года.

Для рубрики «Тема номера» принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.
Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 4 / 2 0 0 3

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527.
ООО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (095) 232-34-96 Электронный адрес: kennan@kennan.ru